

Kolejka, Josef

[Возникновение и деятельность Всеславянского комитета во время второй мировой войны]

In: Kolejka, Josef. *Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках*. Vyd. 1. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1964, pp. 150-191

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/119623>

Access Date: 19. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

IV

Антирусские изречения Гитлера в книге „Mein Kampf“ и на других местах и вообще нацистские выступления, касающиеся „более низкой славянской расы“ не представляли только маскирующий маневр агрессивных намерений, целью которых было достижение мирового господства правителей Германии и финансовых источников, предоставляемых гитлеровцами Западом для их задуманных кампаний против Советского Союза. Нацисты серьезно намеревались осуществить свои планы против славянских народов. Однако, в то время как империалисты Вильгельма хотели завоевывать среднюю и восточную Европу прежде всего при помощи „тактики“ и „культуры“, нацисты подготавливали своей „Дранг нах Остен“ как ликвидацию славянских (и также балтийских) народов с помощью самых жестоких средств. А. Розенберг в книге „Mythus des XX. Jahrhunderts“ сжато написал: „Уничтожение польского государства — это задача Германии. Германия не должна церемониться со столь ничтожными элементами, как, например, поляки, чехи и другие им подобные... Пространство (восточной Европы! — Й. К.) — это смертный бой с поляками и чехами.“ Г. Раушнинг, который в 1939 г. разошелся с нацистами, написал в своей книге „Gespräche mit Hitler“, что Гитлер предлагал истребить „неполноценную славянскую расу“.¹ И нацисты, конечно, не забыли пользоваться „тактикой“ и прибегали к „нордической хитрости“, когда Геринг обнимался с Бекком (1935—1938) или же когда официальная немецкая пресса в начале 1939 г. называла Югославию „соседом-другом“.² Втайне, однако, уже с 1937 г. нацисты подготавливали подавление народов центральной и восточной Европы.

Первыми из славянских народов были подавлены чехи. Генлейновские фашисты обдумывали планы германизации народов Чехословакии уже до 1938 г. Конфискация промышленности, торговли и почвы немецкими властями, германизация части населения, новая немецкая колонизация и также миграции части чешского народа в рейх — все это должно было служить ликвидации чешского народа. „Уже никогда в истории не должно повториться чешское национальное возрождение“ — провозглашалось в доку-

менте генлейновцев, найденном в их секретариате в г. Аш. Также план нападения на Чехословакию (ноябрь 1937 г.) предполагал „принудительную миграцию“ двух миллионов лиц. С самого начала 1939 г. дискутировали нацистские круги о проблеме миграции чехов „на восток“. В начале октября 1940 г. состоялась у К. Г. Франка особая конференция, посвященная политике германизации чешского народа. Открыто тогда нацисты давали понять, что протекторат не представляет решения чешского вопроса. Война, однако, мешала нацистам уже тогда осуществить их окончательную цель, т. е. миграцию чехов. Они подготовили план кампании для осуществления „расовой селекции“ чешского народа: под предлогом „целей здравоохранения“ все население должно было быть разделено на часть, назначенную для германизации и на часть, назначенную для миграции или же прямого истребления.

Не надо доказывать, что чехи в протекторате не имели никакой автономии и что они были подчиненным народом. Нет сомнений в том, что нацисты хотели относиться и действительно относились к чешскому народу в протекторате так, как они относились в захваченных территориях к сотням тысяч чехов, которые были подвергнуты террору и беспощадной денационализации. В брошюре нациста Э. Лейшнера (E. Leuschner), назначенной для немецких солдат в качестве „руководства“ их отношения к членам подчиненных народов, говорится о чехах: чехов и поляков надо рассматривать с расовой точки зрения; перевес у них принимают восточные черты. В личном общении с чехом немецкий солдат руководится теми же принципами, которые имеют силу также для других славян. Разное положение чехов (в сопоставлении с поляками) имеет только временный характер. — Дело здесь не касалось воззрений частного лица. Брошюру издало так называемое расовое и политическое учреждение „НСДАП“; нацисты в последующем сумели углубить общую античешскую и вообще антиславянскую ненависть членов бывшего немецкого меньшинства в ЧСР.

Полная гибель чехов стала бы действительностью, если бы Германия победила в войне. В этом случае та же самая судьба ждала бы словаков. Этот факт подтверждают действия нацистских орд летом и осенью 1944 г. после разгрома Словацкого национального восстания. После марта 1939 г. также отношение нацистов в Словакии, вне всякого сомнения, свидетельствовало о том, что нацисты в случае благоприятной обстановки доведут до конца свои теории о неполноценности славян и о напрасном существовании малых народов.

Если нацисты вплоть до начала 1941 г. оставляли в протекторате часть чешского управления и не прибегали к более острым формам своего контроля в Словакии, то, между прочим, потому, чтобы в период 1939—1941 годов не вызывать недоверия своих балканских сателитов, — но в захвачен-

ной Польше потом они злодействовали без излишней совестливости как в колонии. Еще до нападения на Польшу Гитлер на секретном совещании с генералами (22 августа 1939 г.) объяснял свои намерения словами: „Польшу надо обезлюдить и заселить немцами!“⁴ Польская территория частично присоединилась прямо к рейху и в остающейся части, называемой Генеральной губернией (главное местопребывание немецкого оккупационного управления в Кракове), польский народ должен был получить „только небольшую возможность жизни“, причем уже тогда (осенью 1939 г.) рассчитывали нацисты на то, что Генеральная губерния вместе с восточной Пруссией станет „выдвинутым предпольем“ вермахта, территорией „поиска“ против Советского Союза. В соответствии с директивами Гимmlера подготавливалась германизация „с расовой точки зрения подходящих“ и депортация „неподходящих“ поляков. Целью всех этих действий была ликвидация (в течение 10 лет после войны) 15 миллионов поляков в Генеральной губернии и других 8 миллионов в „восточных провинциях“ Германии.⁵ Однако и в Польше нельзя было нацистам развернуть и окончить планы ликвидации польского народа. Однако, потери польского народа во время Второй мировой войны были все-таки большими.

Нацисты, разгромив весной 1940 г. Францию и покорив одновременно всю западную континентальную Европу, обеспечивали посредством угроз свое привилегированное положение также на Балканском полуострове, прежде всего в Румынии и затем в Югославии. Когда, после свержения правительства Цветковича, новое правительство стало придерживаться проанглийской ориентировки и заключило договор с Советским Союзом, немецкие и итальянские агрессоры открыли „6“ апреля 1941 г. войну против Югославии, пользуясь при этом саботажем югославской реакции. В течение 12 дней югославская армия капитулировала. Из большей части Хорватии, Боснии и Герцеговины было создано так называемое „независимое хорватское государство“ и в Сербии власть попала в руки „кукольного правительства“; южная часть Югославии была захвачена и непосредственно аннексирована Италией, области северо-восточных стран были присоединены к Германии (словенцы должны были быть выселены),⁶ другие области севера — к Венгрии и юго-восточные (Македония) — к Болгарии. В действительности вся Югославия была захвачена Германией и Италией, которые здесь проводили политику беспощадной эксплуатации. Гитлеровской оккупации, однако, не удалось уничтожить ни чешский, ни польский народы. Также сербы, хорваты и словенцы не сдались, а используя подходящие условия местности и ослабление оккупантских сил после июня 1941 г. (часть немецких войск переместилась на восточный фронт), они сейчас же открыли партизанскую войну.

Под немецкое иго попала также Болгария, монархо-фашистское прави-

тельство которой в марте 1941 г. присоединилось к „оси“ и принимало участие в оккупации Югославии и Греции. Фашистская Болгария даже „символически“ объявила войну США и Англии; предпринять подобные меры по отношению к Советскому Союзу болгарское правительство, однако, не осмелилось. Немецкая оккупация принесла народу бедность и голод: Во время войны из Болгарии вывезли большое количество пищевых продуктов и сырья, за которые Германия еще „9“ сентября 1944 г. была должной приблизительно 70 миллиардов лева.

„Очистка“ Балканского полуострова была уже непосредственно составной частью немецкой подготовки для нападения на Советский Союз. Нападение это было, конечно, задумано намного раньше. Еще до захвата Чехословакии и вторжения в Польшу пользовались нацисты фашистскими элементами украинской эмиграции и украинскими меньшинствами в Чехословакии, Польше и Румынии с целью антисоветских провокаций; украинцев привлекали к этой деятельности идеей „Великой Украины“.⁷ В действительности, однако, также украинский народ входил в нацистские планы ликвидации народов центральной и северо-восточной Европы. На территории Украины должен был быть создан новый немецкий „Lebensraum“. Насильственная вербовка рабочих из оккупированных гитлеровской армией стран в „старый рейх“, гонение крестьян из их почвы, постепенное закрытие школ, террористическая германизация, аресты, концлагери и смертные казни, совершаемые нацистами в Чехословакии, Польше и, наконец, также в Югославии — это были только побочные средства, которые должны были служить ликвидации народов Чехословакии.

Прежде всего должны были быть ликвидированы поляки из тех областей Силезии, Поморья, г. Познань и Пруссии, которые были присоединены к „старому рейху“. Еще в 1939 г. нацисты разработали план выселения 3 миллионов поляков в Генеральную губернию и других 4 миллионов во внутреннюю Германию, где они должны были подвергнуться германизации. Так как, однако, нацисты в 1940 г. открыли войну на Западе, нельзя было осуществить столь обширный план. Немцы, конечно, предполагали, что они „вскоре“ победят, и поэтому интенсивно работали над планами ликвидации поляков и других народов центральной и восточной Европы. Директивы давали Гитлер и Гиммлер, — разработкой директив занимались далее работники учреждений „Rassen und Siedlungs-Hauptamt“ и „Hauptstelle der Beratungsstelle des Rassenpolitischen Amtes“ при „НСДАП“.

Подчиненные Гиммлера, увлеченные начальными успехами своих войск в России и убежденные в своей победе над Советским Союзом, стали осенью 1941 г. работать над вопросами обеспечения „lebensraum“ на востоке. Был разработан так называемый „Generalplan-Ost“, в соответствии с которым предполагалось, что из центральной и северо-восточной Европы

выселится 31 миллион человек и германизации подвергнется 14 миллионов. Как можно узнать из письма Гиммлера, адресованного одному из его сотрудников („12“ июня 1942 г.), должна была решиться колонизация не только польских, но также чешских стран, Эльзас-Лотарингии, Крайны Словенской и южной Штирии. Далее Гиммлер напоминает о том, что его двадцатилетний план предполагает полную германизацию также Эстонии, Латвии и польской Генеральной губернии. Другим источником наших знаний о преступном плане Гиммлера является обширная докладная записка („27“ апреля 1942 г.) заведующего нацистским (партийным) учреждением для расовой политики — д-р Ветцеля (Wetzel) — названное „Stellungnahme und Gedanken zum Generalplan-Ost des Reichsführers SS“.⁸ Вышеупомянутый д-р Ветцель „занял точку зрения“ к плану Гиммлера и написал 43 страницы печатного текста: он хотел предупредить о некоторых неточностях „Generalplan-Ost“ и предложить новое, более действенное решение.

Докладная записка Ветцеля начинается с анализа цифр „генерального плана для востока“; 31 миллион человек должен был выселиться в Сибирь, 14 миллионов человек должны были подвергнуться германизации (выселением в рейх) и 10 миллионов немцев должны были выселиться из рейха в область г. Познань, Поморья, Верхней Силезии, г. Краков, Восточной Пруссии, Прибалтики, Белоруссии и частично в Украину (и, конечно, также в чешские страны). Ветцель установил, что цифры не правильны. В областях, которые должны были быть населены немцами, жило не менее 51 миллиона человек („Generalplan-Ost“ предполагал 45 миллионов человек); это число с необходимостью должно было в течение 30 лет (т. е. срок, на протяжении которого должно было осуществиться заселение нового „lebensraum“) повыситься, так как рождаемость поляков, украинцев и белорусов очень высока. Далее Ветцель возражал против установления точной процентной доли лиц (которые должны были подвергнуться германизации или же выселению) отдельных народов, главным образом балтийских: эстонцы, латвийцы и частично также литовцы отличались, по Ветцелю, преимущественно чертами „северной расы“.

Большое внимание уделялось „польскому вопросу“, над которым нацисты работали с 1938 г. Гиммлер считал поляков „самым опасным“ для немцев народом и определил число лиц, назначенных для выселения цифрой 85 %. Ветцель возражал против этих приблизительных цифр и предупреждал о том, что „в течение долгого времени на территории старого рейха и во вновь заселенных областях нужны будут рабочие силы“. Сам он признавал, что с выселением можно справиться в течение 30 лет: для этого нужно было бы иметь в распоряжении приблизительно 120 поездов в год. Он

требовал, однако, пользоваться также пропагандой „добровольного“ выселения поляков в Бразилию (главным образом интеллигенции).

План „украинского вопроса“ пополнил Ветцель следующими замечаниями: цифра 35 % „с расовой точки зрения подходящих“ западных украинцев (из бывшей Галиции и других областей советской Украины вплоть до Днепра) казалась ему очень высокой. Выселение остающейся части в Сибирь явилось неосуществимым — вызвало бы враждебное отношение украинцев за Днепром. Поэтому представлялось более реальным выселить украинцев из области перед Днепром в „комиссариат рейхстага для Украины“ и стремиться к украинизации русского населения на севере и востоке Украины.

„Проблема белорусов“ должна была быть решена, по „Generalplan-Ost“, следующим образом: 75 % выселить, 25 % германизовать. И здесь Ветцель возражал против точной цифры, установленной без анализа расового состава белорусов. Он советовал не выселение в Сибирь, а использование их в качестве рабочей силы в Германии и на востоке; в последней фазе развития „проблемы белорусов“ он решил заселить ими, лучше всего, Урал.

Несколько страниц докладной записки отведено „вопросу будущего отношения к русским“, который, де, в „Generalplan-Ost“ полностью потерялся. Ветцель обращает внимание на „биологическую силу“ русских, у которых (и здесь Ветцель ссылался на нацистских антропологов Абела и др.) очень много „северной“ крови и которые „моложе“, чем немцы. На основе работ немецких антропологов Ветцель установил „опасность“ того, что немцы вынуждены будут (через 20—30 лет) вновь воевать с русскими. Так как, однако, ликвидация всего русского народа невозможна, Ветцель предлагал: разделить Россию на много частей так, чтобы русский из Тулы сознал, что у него нет ничего общего с русским из Горького; восток России (Урал) можно эвентуально подвергнуть сильному турецкому влиянию или же, еще лучше, финскому; на севере России можно создать великогерманское колониальное пространство; лиц с примесью „передозиатской крови“ выселить на Кавказ и в России оставить только невоспитанную массу „европейского типа“, которая не должна смешаться с „северной кровью“ внебрачным соединением немцев с русскими женщинами. Однако все это — только административные меры, которые сами по себе не смогли бы воспрепятствовать возможной опасности, угрожающей немецкому господству. Надо надломить биологическую силу русского народа пропагандой „Einkindersystem“, учреждением институтов для искусственных абортов, переквалификацией повивальных бабок в „Abtreiberinnen“; смертность грудных детей не будет подавляться, матерей не будут знакомить с детскими болезнями и врачи получают в этом отношении пока возможно меньше знаний!

Довольно мало внимания относится в докладной записке Ветцеля „чешскому вопросу“, который нацистам не казался столь трудным, как оба предшествующих „вопроса“ польский и русский. По выражению Гитлера (октябрь 1941 г.) должны были быть „после войны из чешской территории выселены все неподходящие с расовой точки зрения элементы на восток“;⁹ Ветцель предполагал германизацию 50 % чешского народа и выселение других 50 % (в Сибирь). Интеллигенцию, преисполненную фанатической ненависти к немцам, надо выселить (подобно тому как польскую интеллигенцию) за океан. Крестьян, ремесленников, рабочих и „другие подобные слои“ (терминология) можно выселить в Сибирь и тем укрепить сибирские элементы против русских.

В заключение своего анализа д-р Ветцель возвращается к вопросам немецкого заселения „восточных областей“ и стремится дать решение проблемам усиленного перемещения немцев на восток. В этой части докладной записки говорится, что в число новых немецких „областей“ на востоке включается также „протекторат“. О заселении южной Украины и Крыма долгое время не придется и думать, так как (как предупредили осенью 1941 г. немецкие антропологи на примере немцев Бессарабии) эта территория является неподходящей для северной расы.

Нет никаких оснований не верить, что нацисты не выполнили бы задач, поставленных „Generalplan-Ost“ Гимmlера. В действительности их отношение в Польше и, главным образом, в советских странах было еще более жестоким, чем планованные в период 1941—1942 гг. цели.

* * *

Из всей идеологии нацистской партии и из конкретных планов подготавливаемого ими похода на восток вытекает, что гитлеровская Германия не намерена была выполнять пакт о ненападении, подписанный в августе 1939 г. с Советским Союзом. Советский Союз вынужден был тогда этот договор заключить, так как нависла угроза того, что, в случае эвентуальной войны, последнюю поддерживали бы, наконец, также западные империалисты. Необходимыми явились, с точки зрения Советского Союза, меры, принятые „17“ сентября 1939 г. и касающиеся захвата тогдашних восточных областей Польши. Советский Союз захватил преимущественно белорусские и украинские территории, поляки попали в рейх. Немецкие деятели сами тогда обращали внимание на то, что „Советский Союз таким образом переложил ответственность за будущее Польши на немцев и одновременно их (немцев) толкал на вмешательства, которые не способствовали ни политике успокоения польского народа, ни примирению Германии с западными противниками“.¹⁰

Советский Союз уже в период 1939—1941 г. оказывал помощь антиокупантской борьбе чешского и польского народов и предлагал ее также буржуазной эмиграции в Лондоне.¹¹ Болгарскому правительству Советский Союз предлагал (под конец 1940 г.) договор о дружбе и взаимной помощи, но напрасно. Болгарское правительство решило вновь поставить на фальшивую лошадь и принудило буржуазных славянофилов признать „конкретное международное положение“ (1939—1940) и отказаться от своих культурно-политических идеалов прошлого.¹² Более успешными были стремления Советского Союза в Югославии, где народные массы вынудили себе (демонстрации в Белграде, 26—27 марта 1941 г.) изменение состава правительства. Однако поворот во внешней политике Югославии пришел поздно. Еще не засохли чернила на подписях договора о дружбе Югославии и Советского Союза („6“ апреля) и гитлеровские орды напали на Югославию.

Оборона югославского народа против немецко-итальянской агрессии (апрель 1941 г.) укрепляла новую черту Второй мировой войны, т. е. национально-освободительный ее характер. Коминтерн и его отдельные секции показывали теперь на примере войны югославского народа перспективы больших народно-революционных действий и войн против фашизма. После событий на Балканском полуострове „намечается перспектива возможного объединения всех подавляемых малых народов центральной Европы и Балканского полуострова в один общий, от империалистов независимый, национально-революционный фронт против немецкого империализма“.¹³ Мы цитируем резолюцию КПЧ (апрель 1941 г.) — но она в общем отражает тогдашнюю оценку положения Коминтерном.

Чехословацкие, югославские и болгарские коммунисты, разрабатывая уже в период 1939—1941 гг. стратегию национально-освободительной борьбы своих народов, рассчитывали, более или менее, на идею славянской солидарности; однако некоторые обстоятельства, вытекающие из советско-немецкого пакта о ненападении и из точки зрения Коминтерна на империалистический характер первой фазы мировой войны, не позволяли развернуть пропаганду идеи славянской солидарности в степени, необходимой по отношению к нацистским планам, направленным против славянских народов.¹⁴

После сентября 1939 г. чехословацкие и югославские коммунисты рассматривали идею славянской солидарности прежде всего как средство для укрепления единства чехов и словаков или же сербов, хорватов и словенцев. Война на Балканском полуострове создавала новое положение: Резолюция КПЧ (апрель 1941 г.) об этом говорит: „Если до сих пор чехи и словаки боролись в центре Европы против немецкого империализма вместе с австрийцами и немецким населением пограничных областей(?) с неболь-

шой поддержкой и в трудных условиях, то положение сегодня изменяется в том смысле, что в Дунайском бассейне и в восточной Европе поднимается целый широкий фронт подавляемых малых народов. Для чешского и словацкого народов создается возможность присоединиться к этому фронту. Его задачей является координация, объединение национально-освободительного движения чехов и словаков с борьбой сербов, хорватов, словенцев и других наций центральной Европы и Балканского полуострова (подчеркнул Й. К.), которые (подобно тому как болгары, румыны и венгры) насильственно вовлекаются под гегемонию Германии, — но в народных массах которых зарождается и также в дальнейшем будет зарождаться воля к сопротивлению против немецкого господства.“

Подпольный Центральный комитет КПЧ, ссылаясь на опыт из Первой мировой войны, далее подчеркивал: „Традиция освободительной борьбы чешского и словацкого народов от времени первой империалистической войны, — когда чехи и словаки были важным фактором в процессе сближения и объединения народов Австро-Венгрии для общей борьбы, — побуждает к тому, чтобы чешский и словацкий народы сотрудничали также теперь и со всей энергией они стремились добиться объединения народов центральной Европы и Балканского полуострова в борьбе за свободу. История ставит теперь перед чешскими и словацкими рабочими (подобно тому как перед рабочими других народов) задачу: Под руководством коммунистической партии сыграть в общей борьбе за сближение и объединение народов центральной Европы и Балканского полуострова ведущую роль.“

События на Балканском полуострове способствовали одновременно тому, что борьба за ориентировку чешского и словацкого освободительного движения (относится также к польскому движению) доходит до новой фазы, когда решается вопрос между ориентировкой на Запад и ориентировкой на Восток, на Советский Союз. „После событий на Балканском полуострове единственно реальным оказывается путь национально-революционной борьбы в связи с революционным движением международного пролетариата и надеждами на Советский Союз. Большой восторг, вызванный в широких массах чешского и словацкого народов заключением договора о дружбе между Советским Союзом и Югославией и также общее отношение Советского Союза к событиям на Балканском полуострове и в центральной Европе, создают предпосылки для того, чтобы стихийная уверенность в Советском Союзе стала прочной ориентировкой чешской и словацкой освободительной борьбы дома и за границей.“

Подпольное управление КПЧ одновременно в связи с тем учило рабочих, что неправильным является теперь применение лозунга чешской или же словацкой „советской республики“. Наступило время выдвигать в на-

циональном движении чехов и словаков лозунг приблизительно такого содержания: „За свободу чешского и словацкого народов под оплотом власти и силы Советского Союза“ — „Будущее малых славянских народов, будущее чехов и словаков находится под защитой Советского Союза“ — „Великий русский народ, который братски поддержал белорусов и украинцев в их борьбе за свободу и который дружески относится к сербам, хорватам, словенцам, болгарам — это также брат чешского и словацкого народов“.

Такие лозунги соответствовали настроениям и усилиям нашего народа (как об этом можно читать в разных сообщениях подпольных организаций Бенеша и оккупантских учреждений: „Несмотря на договор с Германией у нас (= в Чехословакии) Россию очень любят...“ В известном годовом отчете нацистских органов „Die politische Entwicklung im Protektorat Böhmen und Mähren im Jahre 1940“, разработанном для Берлина, говорится о настроениях чехословацкого народа и о его уверенности в Советском Союзе: „В рядах чешского народа... можно было наблюдать большое оживление панславистской идеи во всех слоях населения. В примитивных всеобщих чертах панславизм проявляется во все время нарастающих симпатий к Советской России“. „Панславизм“ и уверенность чешских людей (в том числе и „мещанских“ и католических кругов) в „великой славянской России“ оценивались в августе 1940 г. организацией „Sicherheitsdienst“ как „основное отношение чешского народа“. К этой оценке надо еще добавить то, как оккупанты поняли главную и ведущую роль КПЧ в антиоккупантском движении чешского народа; они установили, что КПЧ „ловко включилась в область стремлений и целей всех национальных сил“.

Также в Словакии УШБ (Центральное отделение государственной безопасности) обнаруживало проявления „панславизма“ и „симпатий к России“. Сторонники Тисо считали необходимым развернуть пропаганду против славянской идеи. В одной из иллегальных листовок организаций сопротивления (1939) можно об этом читать: „Всю Словакию проникает теперь волна чужой пропаганды, направленной против славянской идеи. Все это — приказ Гитлера, жизненным интересом которого является раздробление славян. С помощью словаков он хочет покорить поляков, украинцев так, как он с помощью словаков разбил Чехословакию...“ Также словацкие фашисты установили связь между „панславизмом“, т. е. мощным подъемом чувства славянской солидарности, и деятельностью КПЧ. Начальник пропаганды — К. Мургаш — на заседании так называемого государственного совета („25“ апреля 1941 г.) сказал: „Коммунизм становится очень важным, главным образом в последнее время, когда он начинает маскироваться даже так называемым русофильством или же панславизмом.“¹⁵ Тот факт, что фашистские члены народной (клерикальной) партии не преувеличивали значения русофильства словацкого народа, подтверждается также поэзией

(распространяемой в копиях), и дневником Янка Есенского (1939—1944).

Начиная с лета 1940 г. постепенно становился очевидным тот факт, что в Чехословакии победит восточная ориентировка национально-освободительной борьбы, т. е. ориентировка на Советский Союз, ориентировка на сотрудничество демократических сил славянских народов с другими антифашистскими силами других народов центральной и юго-восточной Европы. Также в земляческих славянских обществах заокеанских стран, главным образом в США, идея славянской солидарности оказалась жизнеспособной. Антинацистская направленность чешских земляческих обществ нашла свое выражение в предложениях (как об этом можно узнать в газете „New Yorkské listy“, лето 1940 г.) на „объединение славян“, которые „наводят в Европе порядок“. Уже в 1940 г. стали в США зарождаться стремления создать из чешских, словацких и южнославянских, или же польских обществ „славянский комитет“. Конечно, в отличие от советофильских настроений на оккупированной Родине, в чешских и словацких обществах на территории США явно выступали антипатии к Советскому Союзу.

Чехословацкая буржуазная эмиграция в Англии была о славянофильских настроениях хорошо информирована. Органы Бенеша стали осознавать тот факт, что при своей антисоветской направленности они не могут — ни в идеологической работе за границей, ни в радиовещании для Родины — забывать о вопросе славянской солидарности. Одновременно с пропагандой своего пакта, заключенного с реакционными польскими политиками и генералами („11“ октября 1940 года была объявлена так называемая чехословацко-польская конфедерация) бенешовская печать в Лондоне часто писала также о „взаимных симпатиях“ чехов и поляков и т. п. Нет сомнений в том, что подобные статьи чешской или же польской буржуазной лондонской печати, говорящие о поляках или же чехах, могли сыграть положительную роль. Так, например, журнал „Čechoslovák“ правильно обращал внимание на то, что „говоря о Польше, мы должны знать не только Польшу Бека в последней ее генерации“, а должны принимать в соображение польское революционное восстание периода 1830—1863 годов и героическое сопротивление польского народа против нацистов.¹⁶

Большое внимание чешской буржуазной печати в Лондоне привлекли к себе события на Балканском полуострове, которые поддерживали надежду на поворот в развитии Второй мировой войны. Реакция буржуазной печати на события в Югославии служит одновременно доказательством того, как многочисленные члены эмиграции теряли веру в победу западных держав над фашизмом. В сообщениях, говорящих о событиях на Балканском полуострове одновременно ярко выступает факт радости над вмешательством Советского Союза. Например, из статьи „Россия и Германия“, помещенной в журнале „Čechoslovák“ („25“ апреля 1941 г.) можно буквально „ощупы-

вать" ожидание буржуазной эмиграцией вмешательства Советского Союза в войну (конечно, с других позиций, чем КПЧ).

Наверно нет сомнений в том, что планы чешской и польской буржуазии, касающиеся чехословацко-польской конфедерации, и сотрудничество (в период 1940—1942 гг.) югославской эмиграции с этим проектом конфедерации (дело касалось конфедерации, которая занимала бы территорию от Эстонии вплоть до Греции!), не имели ничего общего с идеей сотрудничества славянских народов. Члены, главным образом, чешской буржуазной эмиграции, хотя и из Лондона говорили об опасности нацистского „Дранг нах Остен“ и вспоминали славянскую взаимность, но они отрицали признание **главной цели идеи славянской солидарности во время Второй мировой войны: подготавливать свои народы к немедленной активной борьбе против оккупантов!** Почти невероятным кажется тот факт, что буржуазные чехословацкие, польские и югославские политики-эмигранты не понимали, какая жестокая судьба ждет их народы. Политику „зимовки“ (директива Бенеша) и, главным образом, лозунг польской буржуазии, говорящий о „двух врагах“ польского народа (с одной стороны — Гитлер, с другой стороны — Советский Союз) можно объяснить не только безграничной верой эмиграции в победу Англии уже в 1942 г.(!), но и желанием разгрома Советского Союза в войне!

Политику Советского Союза и отдельных коммунистических партий славянских народов (государств) в период 1939—1941 гг. можно подытожить в следующем сжатом заключении:

Советский Союз стремился оказать помощь антиоккупантскому движению чехословацкого и польского народа и предлагал болгарскому и югославскому правительствам договоры о дружбе и взаимной помощи. Чехословацкий народ не поверил антисоветской клевете западной буржуазной эмиграции; он и в дальнейшем полагался на будущую помощь Советского Союза, страны трех славянских народов. И античехословацкая политика польского правительства Бека (1938) не оставила у чехов и словаков более длительных следов: в сентябре 1939 г. также чехословацкие коммунисты доказали свои симпатии к борющимся полякам — „братьям-славянам“.¹⁷ В Югославии, где продолжали существовать прочешские симпатии осени 1939 г. еще весной 1939 г., можно (подобно тому как в ЧСР) отметить выступления солидарности с борющимися поляками, хотя и правительство уже открыто входило в сделку с Гитлером и Муссолини. Русофильство югославского народа завершилось весной 1941 г., когда в Белграде („26—27“ марта) кричали: Мы хотим союз с Россией!¹⁸ Традиционное русофильство продолжало жить также в Болгарии, где коммунисты (ноябрь 1940 г.) открыли обширную кампанию за заключение договора с Советским Союзом — „с Россией“. Сотни деревень и городов требовали,

чтобы правительство приняло советское предложение и заключило договор о дружбе и взаимной помощи.¹⁹ Также в Польшу проникали лозунги дружбы с Советским Союзом и с славянскими народами еще до 1941 г. Краковские коммунисты писали в своем иллегальном журнале „Polska ludowa“ (июнь 1940 г.), что после „антикапиталистической революции“ освобожденная польская республика создает, „в связи с соседними славянскими республиками“, новое общество.²⁰ Соответствующие советские власти установили в то время отношение с польскими организациями сопротивления. На все эти и другие организации (многие из которых были, конечно, преувеличенными и придуманными) указывали (в июне 1941 г.) нацисты, „оправдывая“ свое вторжение в Советский Союз, помимо другого, также „панславистскими“ (главным образом, конечно, коммунистическими) интригами последних против Германии.²¹

* * *

Вторжение гитлеровских армий на территорию Советского Союза (июнь 1941 г.) вызвало у всех подавляемых народов большой отклик. Представители славянских народов называли советский народ, помимо другого, также „братским русским народом“. Югославские коммунисты призывали тогда свой народ словами: „Теперь решится судьба великой России и всех славян — сербов, хорватов, черногорцев, словенцев, чехов, поляков. Оди-чальные гитлеровцы хотят истребить славянские народы! Под знамена, братья!“²²

В июне 1941 г. наступило время объединения антиоккупантского движения славянских народов, которое должно было дать более действенные результаты. В июле 1941 г. в Москве собрались представители славянских эмиграций вместе с представителями славянских народов Советского Союза, чтобы договорить создание Всеславянского комитета и созыв все-славянского съезда (который состоялся в Москве „10—11“ августа 1941 г.). На этом собрании зародилось обращение „к братьям поработенным славянам!“, в котором уделялось внимание тому факту, что славянам угрожает смертельная опасность, так как Гитлер именно к славянским народам питает особую ненависть, говорит об уничтожении славянской расы и осуществляет свой ужасный план истребления славян с беспрецедентной жестокостью. Поэтому у славян общие желания. „У нас общая задача и общая цель: разгром гитлеровских армий и гитлеризма. У всех нас одно великое стремление: чтобы все славянские народы объединились и, подобно тому как народы Европы, спокойно и свободно развивались в рамках своих государств“ — говорится в обращении. Поэтому надо разгромить гитлеризм, „против которого должны восстать в святой борьбе все славянские народы“.

Представители славянских народов собрались в августе 1941 г. с тем, чтобы „прокламировать единство и солидарность всех славянских народов в непримиримой борьбе против исконного врага славян, агрессивного пангерманизма, самым отвратительным и отталкивающим воплощением которого является сегодня Гитлер и его нацистский режим“. Всеславянский комитет, во главе которого стоял советский генерал Гундоров (русский) и членами которого были выдающиеся представители всех славянских эмиграций на территории Советского Союза, ставил себе целью объединить в боевой солидарности народ славянских наций для борьбы против фашизма, за возобновление независимости и за новое развитие славянских стран. Учреждение Всеславянского комитета вызвало в жизнь и далее развивало новое славянское движение, которое было гордым сторонником прогрессивного наследия великих славянских патриотов-демократов и не могло иметь, поэтому, ничего общего с давним реакционным панславизмом русского царизма. „Мы объединимся как равные с равными“ — говорилось в обращении I-ого всеславянского съезда.²³

Всеславянский комитет развернул обширную пропаганду и подготовил II-ой всеславянский съезд, который собрался опять в Москве („4—5“ апреля 1943 г.) и отличался намного бóльшим участием: на сторону идеи славянской взаимности и солидарности были привлечены дальнейшие политические деятели и представители культуры славянских эмиграций. Правда, не были еще исчерпаны все возможности у поляков — среди пленников и выселенцев в Советском Союзе. II-ой всеславянский съезд полностью отражал усилия коммунистов славянских народов создать национальный фронт для борьбы против оккупантов. Поэтому можно по праву сказать, что представители славянских народов на II-ом всеславянском съезде в Москве (август 1942 г.) говорили действительно от имени своих наций о страданиях и борьбе своего поработанного народа против фашизма.

С волнением выслушал съезд выступление заместителя председателя Всеславянского комитета, писателя Александра Корнейчука (украинец) об ужасных страданиях украинского народа, потери на жителях которого определялись в первые 8 месяцев войны и оккупации миллионом лиц. О том, как безобразничали гитлеровцы в Белоруссии, говорил на съезде поэт Якуб Колас. Помимо других известных русских, украинцев или же белорусов на II-ом съезде говорила от имени поляков писательница Ванда Васильевская и варшавский рабочий Александр Котсис; от имени чехов и словаков — профессор Неедлы и Марек Чулен, от имени югославов — профессор Божидар Масларич, поэт Радул Стиенский, общественный деятель Дюро Салай и публицист Иван Гегент, от имени болгар — общественные деятели Стела Благоева и Ф. Козовски.

Доказательством того факта, что во II-ом всеславянском съезде действительно были представлены все и целые славянские народы, доказательством того, что идея славянской солидарности была успешным мобилизующим лозунгом, являются приветствия отдельных славянских обществ и политических деятелей из-за границы.

Ход II-ого всеславянского съезда в Москве (апрель 1942 г.) свидетельствовал о том, что идея славянской солидарности стала реальной силой, объединяющей славянские народы под знаменем одной цели: разгромить гитлеризм и фашизм вообще. Всеславянский комитет в Москве стал важным органом, осуществляющим солидарность славянских народов: заграничные славянские общества и их вышестоящие Славянские комитеты видели в московском Всеславянском комитете представителя борющихся славянских народов и посылали ему приветствия, распространяли его резолюции и работали в духе последних.

В то время как I-ый всеславянский съезд призывал славянские народы на защиту от гитлеровской агрессии, II-ой всеславянский съезд (апрель 1942 г.) подготавливал атаку славянских народов против оккупантов. Может быть, сегодня представляется преувеличенным оптимизм докладчиков и их призывы к славянским народам — разгромить нацизм еще в 1942 г. В основном, однако, организаторы и докладчики II-ого всеславянского съезда в формулировках своих выступлений и в заключительном манифесте исходили из реальных предпосылок. В обращении II-ого всеславянского съезда об этом говорится: „Разгром Гитлера должен стать целью всех славянских народов, а не только Красной Армии. 1942 год может и должен стать годом разгрома грабительской армии фашизма. Все силы славянских народов необходимо сейчас же мобилизовать на решительную борьбу против врага.“

II-ой всеславянский съезд собрался во время, когда Красная Армия сорвала нацистские планы на „Blitzkrieg“, отразила гитлеровские армии под Москвой (зима 1941—1942 гг.) и завоевала часть потерянной территории. Партизанское движение сербов, хорватов и словенцев на Балканском полуострове, украинцев, русских и белорусов в западных частях оккупированной территории Советского Союза перерастало в общенациональную войну славянских народов против немецких или же итальянских империалистов. Открытие западными союзниками второго фронта в Европе (1942 г. — как они это обещали) нанесло бы нацистскому режиму удар, в моральном действии на население Германии которого нельзя было бы сомневаться. С военной точки зрения открытие второго фронта (западного) обозначало бы в Европе раздробление сил „оси“, воспрепятствовало бы новому наступлению нацистов на восток (весна 1942 г.); события на западе Европы способствовали бы укреплению национально-освободительной борьбы в ок-

купированных странах всей Европы. С полным правом, следовательно, II-ой всеславянский съезд призывал все славянские народы к смелой атаке против фашистских захватчиков: „Пробил час, когда все славянские народы должны восстать против гитлеризма... Братья славяне! Освобождение зависит прежде всего от активной борьбы каждого народа против гитлеровских оккупантов...“ Ставя в пример героическую борьбу русских, украинцев, белорусов и южных славян, собрание представителей всех славянских эмиграций в Москве обращалось с вызовом к отдельным оккупированным славянским народам:

„Поляки, запомните, что Польша — это главный лагерь гитлеровских орд, что через Вашу страну идет главный транспорт гитлеровских войск и запасов на восточный фронт! Дезорганизуйте транспорт, уничтожайте немецкие эшелоны!

Чехи, запомните, что Ваша страна является самым важным арсеналом Гитлера! Саботируйте производство пушек, танков, боеприпасов, организуйте забастовки, взрывайте военные склады, дезорганизуйте военный транспорт!

Храбрые югославские бойцы! Вовлекайте в партизанскую борьбу весь народ, укрепляйте свои войска в борьбе за свободу!

Болгары! Губите подлые планы Гитлера, целью которых является вовлечение Болгарии в войну против СССР! Протяните руку своим братьям славянам!

Словацкие солдаты, насильственно вовлекаемые в борьбу против Советского Союза! Не боритесь против своих славянских братьев, откажитесь от борьбы против Красной Армии и ее союзников! Образуйте боевые звенья, переходите на сторону Красной Армии!“

Далее обращение II-ого всеславянского съезда призывало всех рабочих славянских народов, насильственно навербованных на работу в Германии отказываться от работы для немцев и требовать своего возвращения к семьям, организовать забастовки, расстраивать военное производство и уничтожать фашистские заводы.

Пропаганда идеи славянской солидарности и выступления за ее осуществление или же, точнее говоря, за ее укрепление достигли в 1942 г. большого размаха и объема. Всеславянский комитет или же его отдельные национальные секции подготавливали регулярно для московского радиовещания реляции о своей деятельности (не менее один раз в неделю) на всех славянских языках. Манифест II-ого всеславянского съезда и дальнейшие резолюции или же сообщения о деятельности Всеславянского комитета и заграничных Славянских комитетов распространялись также при помощи печати, периодических журналов или же листовок и афиш. Всеславянский комитет стал (в июне 1942 г.) издавать ежемесячный журнал „Славяне“,

культурно-политический журнал (с подзаголовком „Новая славянская политика“), информирующий о положении славянских народов и об их борьбе против оккупантов и о деятельности Славянских комитетов за океаном. Отдел сообщений и многочисленные фотографии, изображающие зверства фашистов в оккупированных странах (в большинстве случаев найденные у взятых в плен или же мертвых солдат-врагов) приносят сегодня серьезные материалы.

Политические и культурные деятели славянских народов в журнале „Славяне“ анализировали вопросы славянской взаимности в прошлом и подчеркивали ее значение для будущего. (Также Бенеш сейчас же в первом году издания вышеупомянутого журнала опубликовал свои рассуждения о сотрудничестве славянских народов в период Первой и Второй мировых войн; рассуждения продолжали тематику его более ранних работ.) О славянской солидарности писали теоретически и практически также другие журналы, издаваемые левой эмиграцией в Москве (польский ежемесячник „Nowe Widnokreği“ и чехословацкий еженедельник „Československé listy“) и в Лондоне (чехословацкий журнал „Nové Československo“) и эту идею также в дальнейшем распространяли иллегальные листовки коммунистических партий в оккупированных странах.

Пропаганда идеи славянской солидарности в период 1941—1942 гг. через посредство Всеславянского комитета в Москве и других Славянских комитетов заокеанских стран (см. далее) укрепляла уверенность как подавляемых славянских народов, так также всех прогрессивных людей всего мира в способности Советского Союза, в мужестве Красной Армии, в их окончательной победе. Проявляемый Красной Армией и вообще Советскому Союзу восторг, например, жителями Америки, способствовал укреплению антигитлеровской коалиции союзников. Также в некоторых печатных статьях буржуазной эмиграции (чехословацкой и югославской) в Лондоне можно иногда встретить с словами восторга, восхищающимися Советским Союзом — главным образом в период, когда Красная Армия отразила нацистов под Москвой и когда она разгромила десятки фашистских дивизий под Сталинградом. Правильно журнал „Славяне“ устанавливал, что „Красная Армия — это реальная сила, которая придала чувствам единодушия и близости славянских народов конкретную и яркую форму...“²⁴

1942 год, хотя и не закончился победой над гитлеризмом, — между прочим также потому, что западные союзники не выполнили своего торжественного обещания открыть второй фронт —, но все-таки обозначал важную веху в развитии Второй мировой войны. Нельзя было уже сомневаться в том, что освобожденные народы победят в своей справедливой борьбе и что гитлеровская Германия вместе с ее сателитами будут, в конце

концов, разгромлены. Победа советских войск под Сталинградом на переломе 1942—1943 гг. послужила ярким доказательством этого.

Всеславянский комитет обсуждал свою деятельность за 1942 г. на общем собрании (31 января—1 февраля 1943 г.): он мог о себе с правом сказать, что стал органом славянского общества, что помогал укрепить антиоккупантское движение в подавляемой Европе и что на его почве устанавливались новые связи между славянскими народами. Надо было, однако, еще больше укрепить дружбу братских славянских народов — сообщил в своем вступительном слове председатель Всеславянского комитета, генерал-лейтенант А. Гундоров. Надо было также в дальнейшем побуждать и организовать славянские народы с целью создания новых и более действенных форм борьбы против оккупантов. Славянский комитет, подчеркивая героизм и успехи Красной Армии и сопротивление народа подавляемых славянских наций, призывал (февраль 1943 г.) их довести свою борьбу вплоть до общенационального восстания. Всеславянский комитет вновь обращался к отдельным славянским народам с призывом продолжать начатую борьбу. Он с восторгом выражался о мужестве югославов и выдвинул сербам, хорватам и словенцам следующий лозунг: осуществить переход к всенациональному восстанию, направленному против фашистов. Поляки и чехи призывались распространять и укреплять партизанское движение, расстраивать транспорт и подготавливать всенациональное восстание. Всеславянский комитет обращался, главным образом, к чешским и польским железнодорожникам с просьбой расстраивать в своих странах проезд эшелонов. Всеславянский комитет высказывал доверие также словацким солдатам, которых призывал покончить с войной против своих братьев — русских, украинцев и белорусов и создать партизанские отряды. Всеславянский комитет верил также болгарам, которых призывал к единству с другими славянскими народами, прежде всего южными славянами, на которых болгарские солдаты натворили много бед; болгары должны прогнать немцев из своей страны, если они хотят избежать ужасной катастрофы.²⁵

По случаю знаменательных годовщин подавляемых в истории славянских народов Всеславянский комитет поздравлял народ отдельных наций, напоминая ему при этом его боевые задачи. Народам Чехословакии — в день 25 годовщины основания ЧСР — Всеславянский комитет прислал послание. 5-ую годовщину нападения гитлеровской Германии на Чехословакию он вспомнил на вечере, посвященном чехословацким гражданам в Москве.²⁶

Одновременно с призывами, целью которых было развернуть борьбу подавляемых славянских народов против оккупантов, Всеславянский комитет в своих радиопередачах из Москвы предлагал создание и использование военных частей: польской, чехословацкой и югославской бок о бок с Совет-

ской Армией. Представители Всеславянского комитета уделяли этим частям большое внимание, они посещали солдат, читали для них лекции и помогали им решать разные вопросы организации. Представители этих военных частей принимали, в свою очередь, участие в работе Всеславянского комитета. Важной в этом отношении оказалась намифестация польских, чехословацких и югославских солдат, которую организовал Всеславянский комитет в Москве (уже в феврале 1944 г.). Представители войск славянских народов, офицеры и фронтовые солдаты, обратились здесь сообща к своим народам и болгарам, призывая их на решительные действия против оккупантов, и обещали повысить свои усилия на всех фронтах.²⁷

Летом 1944 г. завершили советские войска освобождение Украины и Белорусии и вместе с польской армией они стали освобождать Польшу. В сентябре 1944 г. Красная Армия освободила Болгарию, в октябре 1944 года она помогала югославской освободительной армии прогонять фашистов и, наконец, в декабре 1944 г. началось освобождение Чехословакии. Вплоть до конца войны Всеславянский комитет следил за ходом боев и за долей участия славянских народов в борьбе против гитлеризма и также в дальнейшем он поддерживал связь с зарубежными обществами, поднимал уверенность народа подавляемых до сих пор наций в окончательной и скорой победе, поощрял народ на активное участие в изгнании оккупантов и продолжал укреплять новые взаимные отношения славянских народов.

* * *

Дружбу славянских народов и их общие действия против гитлеризма в Советском Союзе и частично также в Англии осуществляли эмигрантские группы левой интеллигенции и, главным образом, коммунистические партии в своих обществах и журналах, в которых они с полным согласием поддерживали деятельность Всеславянского комитета. Деятельность последнего привлекала внимание и поддержку как КПСС, так также Коминтерна, генеральный секретарь которого — **Георги Димитров** — (будучи болгаринном) был лично заинтересован в успехах деятельности Всеславянского комитета.

Что касается чехов и словаков, как мы уже сказали, в Всеславянском комитете работали, главным образом, проф. **Зденек Неedly** (который был заместителем председателя и членом коллегии журнала „Славяне“), **Марек Чулен** (словак) и **Ян Шверма**. В собраниях Всеславянского комитета принимали участие также представители московского управления КПЧ во главе с **Клементом Готвальдом**, **Вацлавом Коpecким** и другими. Из рядов некоммунистов активно в работе Всеславянского комитета участвовали, например, **Лудвик Свобода**, как представитель чехословацких военных частей

в Советском Союзе; большой благосклонностью пользовалась деятельность Всеславянского комитета у **Зденька Фирлингера**, который (будучи послом в Москве) сделал много хорошего в пользу восточной ориентировки чехословацкой национально-освободительной борьбы.²⁸

Представители КПЧ пропагандировали идею славянской солидарности и помогали осуществлять резолюции Всеславянского комитета или же всеславянских съездов прежде всего в рядах чехословацких граждан на территории Советского Союза. Казалось бы, что это была нетрудная и напрасная работа. Надо, однако, напомнить о том, что и московская эмиграция не была единой, что в Советский Союз (1939) пришли через Польшу разные люди, политически мало развитые или же с бенешовской ориентировкой. Лондонская буржуазная эмиграция использовала затем свои дипломатические отношения с Советским Союзом с тем, чтобы воспрепятствовать пропаганде коммунистов, например, среди чехословацких военных частей. Кажется даже невероятным тот факт, с какой осторожностью должны были коммунистические депутаты и сенаторы (т. е. люди, политические права которых должно было даже лондонское, так называемое правительство признавать) относиться на первых беседах с членами чехословацкой боевой части в Бузулуке, так как буржуазные директивы чехословацкой армии (и те имели силу также в Бузулуке) не позволяли проводить антифашистскую агитацию.

Самой важной, конечно, была пропаганда резолюции Всеславянского комитета. Целью этой пропаганды была оккупированная Родина. В этом отношении сделала КПЧ действительно очень много. Передающая станция „За национальное освобождение“ и московское радиовещание в регулярной чешской радиопередаче знакомили чехословацкий народ с возникающим единством славянских народов и с размахом их антиоккупантского движения.

Это были, прежде всего, выступления Клемента Готвальда, из которых чехословацкий народ узнавал о результатах всеславянских съездов в Москве. В этих выступлениях КПЧ всегда подчеркивала необходимость не только признания идеи солидарности славянских народов, но также ее активной поддержки. Уже в сообщении о I-ом всеславянском съезде (август 1941 г.) говорится: „Сегодня главное значение славянского единства заключается в борьбе всех славян за мир против немецкого нацистского врага. Славянские народы несут на себе теперь тяжесть гитлеровского натиска. Славяне наносят Гитлеру первые сильные удары. Для подавляемых Гитлером народов, главным образом, для славянских, наступило время объединения их борьбы за свободу с борьбой русского, украинского и белорусского народов. Это относится также к чехам.“²⁹ Из московского радиовещания чехословацкий народ узнавал о зарождающемся единстве славян,

о договоре Советского Союза с чехословацким и польским правительствами в Лондоне, об установлении дипломатических отношений с югославской эмиграцией и т. п. Представители КПЧ могли одновременно по случаю I-ого всеславянского съезда в Москве с гордостью сказать, что „опять чехи и словаки стоят рядом, бок о бок, опять они помогают мощному лагерю славянских свободолюбивых народов в борьбе против немецкого захватчика“. Они могли также обещать, что чехи и словаки „будут бороться в духе традиций своих мужественных предков, стремясь заслужить славу товарищей-соратников героической Красной Армии“.³⁰

О ходе II-ого всеславянского съезда в Москве (апрель 1942 г.) говорил Клемент Готвальд в московском радиовещании даже 3 раза, знакомя чехословацкий народ с главной резолюцией и одновременно вновь и вновь напоминая ему о том, что „наступило уже время“ и что в предстоящих сражениях „чешский народ не отстанет за другими славянскими народами“. Чешский народ должен сознать, что его страна — это важный военный арсенал Гитлера. Даже в тылу врага, прямо в Чехословакии, на заводах можно создать фронт борьбы. Слова Клемента Готвальда буквально предостерегали: Чехам простили, что они „30“ сентября 1938 г. не боролись. Чехам простили, что они „15“ марта 1939 г. не боролись: — хотя и надо искренне признать, что это не может похвастаться уважением к нам. Но чехам мир не простил бы того, что они не боролись бы в 1942 г.³¹

Коммунисты, пропагандируя идею славянской солидарности, вновь и вновь подчеркивали, что в основу чехословацкой современной политики и чехословацкой борьбы должен лечь прочный союз с СССР и братские отношения между чехами и словаками. И это братство чешского и словацкого народа — как основное условие нового построения сильной Чехословакии — создавали чехи и словаки на почве Всеславянского комитета, когда они в своих выступлениях (проф. Неедлы и Марек Чулен) призывали свои народы на общую борьбу против нацистов и их отечественных прислужников. Они осуществляли его (братство чешского и словацкого народов) в общей политической работе в московской эмиграции, при формировании чехословацких военных частей и при объединении организаторов будущих партизанских отрядов. Об этом писали политические и культурные представители народов Чехословакии в журнале „Славяне“, разрабатывая при этом вопрос общей борьбы и будущего общего сосуществования даже в журнале „Československé listy“. „Наш журнал будет увлеченным распространителем всех стремлений, направленных на углубление, укрепление и распространение дружбы Чехословацкой Республики с Советским Союзом, который для нас: чехов, словаков и закарпатских украинцев является одновременно также большим славянским государством“ — это главная идея передовой статьи журнала „Československé

listy", напечатанной „10“ августа 1943 г. Журнал „Československé listy“ полностью отстаивал идею „активной славянской солидарности“, в осуществлении которой он видел обеспечение серьезного положения народов Чехословакии в великой славянской семье.

Эту главную идею журнала „Československé listy“ (еще в первом выпуске) более подробно разработал З. Неедлы в статье „Под славянским знаменем“. З. Неедлы напоминал о том, что в Чехословакии идея славянская всегда была живой: „Мы всегда любили русских и сочувствовали другим славянских народам, южным славянам в их столетней борьбе за свободу и полякам во время их национального размаха.“ Также сегодня отношение нашего народа, наверно, не изменилось; его „сильная славянская сознательность эту ориентировку еще больше укрепляет.“³² Более подробно о славянской идее (в теоретической статье „Slovanská myšlenka v naší české politice“) Ян Шверма. Вслед за довольно обширным анализом чешской славянской идеи в период 19 и начале 20 вв. Шверма констатирует, что „все славянские народы сегодня стоят в общем международном фронте свободы“. Сегодня при новых условиях, когда Советский Союз начинает выполнять великую миссию освобождения, „идея славянской солидарности, очищенная от всех панславистских элементов царского империализма, приобретает свой действительно демократический характер; такой ее чешский человек всегда носил в своем сердце“. В новой международной обстановке „наша чешская политика нет и не может быть другой, чем славянской“. Также Вацлав Копецкий в статье „Češi a Slováci“ подчеркивал, что оба народа Чехословакии являются сторонниками главных принципов славянской идеи, равенства и братства, на которые будет опираться прочное и благотворное государственное сосуществование славянских народов и построение их государств.³³

В духе цитированных выступлений говорили коммунистические депутаты Готвальд и Шверма а также Зденек Неедлы и посол Зденек Фирлингер на беседах с членами чехословацких военных частей в Советском Союзе („13“ сентября 1943 г.). И всегда по случаю заседания Всеславянского комитета реферировал журнал „Československé listy“ о его деятельности, публиковал его обращения и также в дальнейшем печатал статьи прогрессивных чешских или же словацких политических и культурных работников о боевой дружбе Чехословакии с славянскими народами советской России, с поляками, югославами и болгарам.

Надо было бы теперь показать, каким образом принимались и осуществлялись лозунги солидарности отдельными славянскими народами.

Пропаганда идеи славянской солидарности не была „сферой деятельности“ только заграничного управления КПЧ. Также отечественные иллегальные ЦК и иногда также областные организации объясняли значение

общих действий славянских народов, чтобы одновременно на примере Советской Армии и партизан в оккупированной территории Советского Союза и в Югославии показать возможность и необходимость вооруженного сопротивления также в Чехословакии. Мы уже сказали, что манифесты I-ого и II-ого всеславянских съездов распространялись в Чехословакии посредством иллегально издаваемой газеты „Rudé právo“. Коммунисты воспользовались всегда случаем и присоединили к манифесту свои предупреждения для читателей, свои призывы развернуть активную борьбу против Гитлера. К манифесту II-ого съезда присоединил журнал „Rudé právo“ следующее замечание: Мы все должны слышать призыв, мы все должны его знать; и не только знать, но и поступать в соответствии с ним!³⁴ **Юлиус Фучик** в иллегальной газете „Rudé právo“ (апрель 1942 г.) реагировал на призыв II-ого всеславянского съезда следующими словами: „Мы можем дать только один ответ: Мы сделаем это! Час решающих сражений наступил!“

Манифесты всеславянских съездов помогли нашей партии еще лучше ориентироваться в главных задачах борьбы против гитлеризма. **Вильям Широкий** в письме „O charakteru druhe světové války a o úkolech z něho vyplývajících“ давал знать членам управления КПС, что „идея славянская, единство славянских народов, созданное на основе постановлений всеславянского конгресса против фашистской германской чумы, должны интенсивно проникать в ежедневную политическую деятельность партии“. Против голосов, жалующихся на то, что словаки — народ малый, немногочисленный и, в сопоставлении с немецким великаном, незначительный, надо показывать реальную перспективу общих действий всех славянских и других народов. Позвоночный столб народа мы выпрямим и укрепим объяснением того, что борьба словацкого народа является составной частью, главным образом, средневропейского и балканского освободительного фронта народов, и что „в своей борьбе он (словацкий народ) создает общий фронт с народом чехов, сербов, хорватов и т. д.“³⁵

Эта пропаганда коммунистов имела большой успех у народных масс. Традиционное славянофильство и, прежде всего, русофильство чехов и словаков постепенно переходило в уверенность в Советском Союзе и в его Красной Армии.³⁶ Надо также добавить, что партия на основе пропаганды славянской солидарности укрепляла свою роль у народа и в управлении освободительной борьбой.

В Югославии, как мы знаем, резолюция Всеславянского комитета встретила восторженный отклик. Югославские партизаны слушались призывов из Москвы и в духе главного лозунга I-ого Общеславянского съезда вели героическую борьбу против немецко-итальянских захватчиков; справедливо они платили оккупантам тою же монетой за их зверства, совершенные на

сербском, словенском и хорватском народах. Лозунги I-ого всеславянского съезда соответствовали также целям польского народа, который уже в период 1939—1941 гг. в отдельных областях оккупированной Польши открыл партизанское движение. Сильное русофильство болгарского народа не позволяло продажным кобургам и антинародному правительству Б. Филова вести войну против Советского Союза, несмотря на то, что Англия и США они „символически“ войну объявили.

Коммунисты в Польше, Югославии и Болгарии издали особые листовки с текстом обращения I-ого всеславянского съезда. Случилось, что в Югославии одна группа сербских партизан, читая манифест, сейчас же клянулась бороться вплоть „до окончательной победы славян“ и до окончательного разгрома немецкого и итальянского фашизма. Болгарские коммунисты предупреждали свой народ о том, что „нельзя больше разрешать (в Болгарии) присутствие гитлеровских орд, которые крадут наш хлеб и которые хотят ликвидировать Россию и всех славян...“³⁷ Важными были обращения болгарских коммунистов, призывающие к братству болгарских солдат и югославских партизан. Даже греческие македонцы, которые боролись в организациях сопротивления ЕАМ, создали (1943) „Славянский македонский фронт“. В Польше вновь созданная Польская рабочая партия (PPR) уже в своем первом обращении обосновывала сотрудничество славянских народов, направленное против нового „крестового ига“.³⁸ Также демократическая интеллигенция положительно относилась к идее общих действий славянских народов в настоящем и будущем.³⁹

Лозунги славянской солидарности имели место прежде всего в партизанском движении всех славянских стран; некоторые отряды несли название „За освобождение славян“ и т. п. Некоторые чехи и словаки боролись в Польше и, наоборот, поляки — в Словакии. Чехов, словаков и поляков можно было встретить в партизанских отрядах на Украине и в Белоруссии. Русские, украинцы и белорусы в свою очередь прославились как командиры и комиссары партизанских отрядов в Польше, Словакии и чешских странах — и, в 1944 г., они помогали также в Югославии. В партизанском движении Югославии принимали участие также члены чешского и словацкого меньшинства; попали сюда также десятки чешских молодых людей, которые ушли из „Totaleinsatz“ в австрийских городах; очень сильный корпус создали также поляки, которые пришли в 1939 г., и позже, через Венгрию. Честь болгарского народа спасли не только отряды десятков тысяч партизан, борющихся на территории Болгарии; известно также участие болгарских партизан в Югославии. Не только чехи, но и поляки и, само собой разумеется, также русские, украинцы, белорусы — а также югославы и болгары приняли участие в словацком национальном восстании. Освободительное продвижение Советской Армии (бок о бок с которой

шли также части польские, чехословацкие, югославские или же болгарские — в Югославии) проходило уже полностью под знаменем лозунгов солидарности и сотрудничества славянских народов.⁴⁰

* * *

Коммунисты и левые демократы западной эмиграции (Англия) приложили большие усилия к тому, чтобы провести идею славянской солидарности и добиться ориентировки национально-освободительной борьбы на Советский Союз. Обстановка в Англии казалась внешне очень благоприятной для распространения идеи славянской солидарности. Ведь даже Бенеш и Макса писали о славянской идее в журнале „Славяне“, славянскую идею поддерживали при всяком случае Йосеф Давид и Губерт Рипка. Однако в действительности сторонники Бенеша и в дальнейшем продолжали (вместе с реакционными поляками) подготовку так называемой конфедерации. Поэтому коммунисты и сотрудничающие вместе с ними прогрессивные чешские люди в Англии считали одной из самых важных своих задач разоблачение реакционного содержания чехословацко-польской конфедерации. Статьи журнала „Mladé Československo“ (с начала 1943 года „Nové Československo“) — период 1941—1943 годов — почти предупреждали об антисоветской и антинациональной направленности подготавливаемой средневропейской федерации, основным звеном которой должна была быть чехословацко-польская конфедерация.

На требования лондонской буржуазной польской эмиграции, касающиеся того, чтобы западная Украина и Белоруссия также и в дальнейшем принадлежала к Польше, журнал „Mladé Československo“ отвечал: „Это вредительская деятельность, осуществляемая в течение боя, отравление атмосферы будущего, когда прочный демократический договор между нами (чехами и словаками), поляками и СССР будет вопросом нашего существования.“⁴¹

Коммунисты, следовательно, не выступали против конфедерации потому, что дело касалось преимущественно поляков, а потому, что конфедерация ставила себе не только антинемецкие цели, но также и цели антисоветские. Нам, однако, нужно, — писал журнал „Mladé Československo“, — пока возможно теснейшее сотрудничество с Советским Союзом в рамках демократического сообщества в мире, и это будет лучший оплот послевоенной безопасности Чехословакии. „Для поляков лучше всего было бы относиться аналогично.“⁴² Журнал „Mladé Československo“ выступал, главным образом, против той части чехословацкой и польской эмиграции в Лондоне, которая подготавливала какую-то „западнославянскую федеральную унию“, в которой должна была быть представлена не Чехословакия, а Чехия и Словакия в отдельности.⁴³

„Журнал „Mladé Československo“ не только что обличал реакционные польские планы, но одновременно стремился установить и создать дружеские отношения чехов и словаков к демократическим полякам. На собрание („27“ мая 1942 г.) в Лондоне, на котором члены чехословацкой эмиграции высказывали согласие с резолюцией II-ого всеславянского съезда в Москве, пригласил журнал „Mladé Československo“, помимо советского референта, также поляков; пришел некто Шелак, который приветствовал это выступление „молодых чехов и словаков“ от имени славянской солидарности. На собрании приняли далее участие болгарин и югослав. Однако в то время как земляческие славянские общества в США вообще с симпатиями встречали резолюцию Всеславянского комитета в Москве (также славянская эмиграция здесь присоединилась к усилиям славянских организаций, направленных на создание единства славянских народов в борьбе против Гитлера), большая часть буржуазной эмиграции славянских народов в Лондоне (Англии) продолжала отстаивать свои реакционные планы конфедерации.⁴⁴ Журнал „Nové Československo“ с радостью поэтому встретил попытку лондонских демократических поляков издавать самостоятельный журнал-ревью „Jedność i czyn“, который занимал по отношению к „новому славянскому движению“ положительную точку зрения. Редакция журнала „Mladé Československo“ дала в свою очередь демократическим полякам возможность высказать критические воззрения по отношению к политике польского эмигрантского правительства, когда их журнал-ревью был закрыт „из-за недостатка бумаги“. Деморатические поляки критиковали реакционные планы польского правительства на создание среднеевропейского (антисоветского) блока и объясняли реакционные цели отношения лондонского правительства к борющимся в Польше партизанским частям. Группа „Jedność i czyn“ одновременно подчеркивала необходимость сотрудничества с славянскими народами и с Советским Союзом.⁴⁵

В результате деятельности прогрессивных югославов, поддерживающих борьбу Тито против оккупантов, и после выступления демократических поляков зарождалась также в Англии более благоприятная обстановка для создания славянской солидарности в рядах эмиграции в духе манифеста Всеславянского комитета. Прежде всего была учреждена организация „Československý výbor pro slovanskou vzájemnost“, и именно уже в феврале 1942 года. Вскоре после того высказала свое согласие с деятельностью „Всеславянского комитета“ также группа югославов. В начале 1944 г. был учрежден также „Польский комитет по славянскому единству“.⁴⁶ Таким образом только в 1944 г. можно было окончательно осуществить идею славянской солидарности среди членов эмиграции славянских народов в Лондоне, когда к югославам и болгарам, которые сотрудничали с чехословацким Славянским комитетом, присоединились также представители поляков.

„19“ апреля 1944 г. был основан „Славянский комитет“ в Великобритании. Первым общим выступлением этого „Славянского комитета“ была большая манифестация, организованная в Лондоне („25“ мая 1944 г.) под лозунгом „за новый Гривальд“. На манифестации говорили представители всех славянских народов. Заключительная резолюция обещала, что славяне, живущие в Англии, укрепят славянское единство и поддержат деятельность „Всеславянского комитета“ в Москве, главным образом его обращения, призывающие развертывать борьбу славянских народов против Гитлера.

Инициаторами „Славянского комитета“ и манифестации, состоявшейся „25“ мая, были главным образом члены редакции журнала „Nové Československo“. Понятно, поэтому, что журнал „Nové Československo“ с радостью встретил деятельность Славянского комитета, обращал внимание на усилия польских демократов, целью которых было проведение прогрессивной политики по отношению к Советскому Союзу, приветствовал создание Польского комитета национального освобождения и радовался продвижению Советской Армии в Польше, Болгарии и Югославии. На заключительном заседании лондонского „Славянского комитета“ („22“ февраля 1945 г.) представители славянских эмиграций могли положительно оценивать свою деятельность и подготавливать путь на освобожденную Родину с чувством хорошо проведенной работы. Славянская идея также в Англии помогала устанавливать новые отношения между славянскими народами и способствовала их победе над фашизмом.⁴⁷

* * *

Как мы уже сказали, с обращениями Всеславянского комитета согласились также многочисленные земляческие общества славянских народов заокеанских стран. Участие славянских эмигрантов в движении за единство и сотрудничество славянских народов во время Второй мировой войны и после ее окончания не было неважным. Только число членов славянских эмиграций в США — определялось оно вокруг 1900 г. приблизительно 3 миллионами и вокруг 1938 г. — 9 миллионами лиц (сами американские славяне во время Второй мировой войны приводили, что они насчитывают почти 15 миллионов лиц), — позволяет предполагать, каким важным могло стать и действительно стало движение заграничных славянских обществ.⁴⁸

Когда разгорелась Первая мировая война, славянские общества, главным образом в США, поддерживали освободительную борьбу своих народов в Европе с материальной и моральной точек зрения. Мы не преувеличиваем помощь славянских организаций США, которую они оказывали анти-

австрийскому сопротивлению славянских народов и сознаем классовый характер участия буржуазных верхушек американских чехов и словаков в осуществлении планов Масарика (Первая мировая война). Положительно, однако, при этом оцениваем выступления славянских земляческих обществ за республиканскую форму самостоятельности славянских народов уже в период 1914—1915 гг.

После 1918 г. в Америку пришло много русских, украинских и белорусских эмигрантов, которые часто использовались для антисоветской и антикоммунистической травли в период послевоенных лет и вновь затем в период возникновения Второй мировой войны. Канадское правительство даже запретило (1940) деятельность прогрессивных славянских организаций.

Члены славянских обществ заокеанских стран сделали для своих народов очень много, главным образом во время Второй мировой войны, когда славянские общества в США, Канаде и Латинской Америке выступали в качестве антифашистских организаций, стремящихся создать и углубить антигитлеровские коалиции. Славянские общества тогда объединялись и создавали, по примеру московского Всеславянского комитета, свои местные Славянские комитеты, одобряя и расширяя резолюции I-ого и II-ого всеславянских съездов в Москве. Всеславянский комитет в США обещал II-ому всеславянскому съезду в Москве, что он будет мобилизовать 15 миллионов американских славян (к славянским комитетам явились также полностью ассимилированные граждане славянского происхождения) для целей военного производства и фронта против гитлеровской Германии. Разные славянские организации или же комитеты славянских обществ из Мичигана, Нью-Йорка, Детройта, Вашингтона прислали горячие приветия. В приветствии нью-йоркской конференции славянских комитетов подчеркивалась героическая борьба Красной Армии и советских партизан и нарастающее сопротивление оккупированных славянских народов. Приветствия заграничных славянских обществ выражали одновременно волю славян заокеанских стран, в большинстве случаев уже натурализованных американцев или же канадцев, австралийцев и т. п., поддерживать в моральном и материальном отношении Советский Союз и славянские народы, укреплять антигитлеровскую коалицию и добиться скорой победы над фашизмом.

Манифест II-ого всеславянского съезда встретил единодушное согласие заграничных славянских организаций и стал импульсом углубления их работы. В США состоялся (25—26 апреля 1942 г.) первый съезд американских славян, на котором зародился американский всеславянский комитет („Конгресс американских славян“), задачей которого было координировать деятельность американских славянских обществ в борьбе за свободу славян-

ских народов и за победу Союзников над гитлеровской Германией и фашистской Италией. О ходе вышеупомянутого съезда написал Адольф Гофмейстер статью (опубликованную в журнале „Славяне“), в которой он подробно описал восторг 3000 присутствующих делегатов от полученных приветственных телеграмм, которые напоминали о героизме Красной Армии и всего Советского Союза. „Гром аплодисментов долгое время не затихал. Все поднялись, аплодисменты вновь и вновь раздавались в зале. Туда, в поле сражений, залетали мысли всех присутствующих. В этой любви к советским героям зародилось первое семя объединения... И опять, когда словак Штефан Земан (секретарь съезда) объявил, что пришла телеграмма из Куйбышева, только название советского города вновь электрифицировало массы...“⁴⁹ На этом съезде был объявлен „день американских славян“ (21 июня 1942 г.), когда в пределах всей Америки проходила популяризация помощи американцев европейским славянам и, главным образом, Советскому Союзу.

„День американских славян“, в связи с которым во всех более крупных американских городах состоялись манифестации, в которых участвовали десятки тысяч человек, был важным прежде всего в том отношении, что американские славяне тогда решительно требовали открытия в Европе второго фронта. Например, в обращении конференции американских славян в Нью-Йорке, между прочим, говорится: „Мы посылаем горячие приветствия народу Советского Союза, Польши, Югослави и Чехословакии; его необычное сопротивление против вероломного вторжения орд Гитлера и Муссолини вызывает восторг всего мира.“ Сегодня мы присоединяемся к выступлениям Рузвельта, Черчилля и Молотова, борющимся за открытие (1942) в Европе второго фронта с намерением нанести гитлеровцам и фашистам такой удар, который стер бы их с лица земли...⁵⁰ На митингах американских славян („21“ июня) выступали и выдающиеся американские политики, которые, таким образом, обеспечивали себе расположение будущих избирателей. Президент США — Ф. Д. Рузвельт — высказывался очень признательно о выступлениях американских славянских обществ, целью которых была поддержка и, в конце концов, победа антигитлеровской коалиции. В своем послании первому конгрессу американских славян в Детройте он сказал: „Америка гордится своими гражданами славянского происхождения.“ Надо к этому добавить, что американские славяне снискали заслуги в том, чтобы в 1944 г. вновь был избран президентом Рузвельт, личность которого гарантировала дальнейшее участие США в антигитлеровской коалиции. Уже во время войны (главным образом после смерти Рузвельта) влиятельные круги Уолл-Стрита не скрывали своего несогласия с Союзом США и СССР. Поэтому оказался правильным тот факт, что съезд американских славян (Питтсбург, 1944 г.) занимался вопросом выборов президента и стал

импульсом для развертывания кампании за поддержку Рузвельта. Уже тогда, в 1944 г., был очевидным тот факт, что правителям США не нравится прогрессивное движение американских славян и что оно им не подходит.

Оценивая движение американских славян или же их организацию „Конгресс американцев славянского происхождения“, необходимо подчеркнуть, главным образом, активное участие демократических поляков, которые выполняли ряд важных функций и которым удалось в общем парализовать антисоветские тенденции части американских поляков в период антисоветской кампании лондонского эмигрантского правительства. В марте 1945 г. выступили делегаты американских славянских организаций на конференции в Детройте и одобрили решение Крымской конференции о Польше — в пользу народной Польши — и осудили пропаганду реакционных поляков и вообще реакционные выступления американской прессы. В противоположность тому в некоторых государствах южной Америки получало иногда в польских колониях перевес влияние лондонской реакции, что, конечно, затрудняло размах славянского движения в Латинской Америке.

Вообще работа славян в Латинской Америке была затруднительной потому, что фашистские или же полуфашистские режимы, главным образом в Аргентине, Парагвае и Боливии, не позволяли славянским эмигрантам развернуть последовательное антифашистское славянское движение. В Чили, Перу, Эквадоре и также на Кубе, хотя и здесь существовала для славянских эмигрантов полная свобода собраний и митингов, но славянские колонии состояли здесь из провинциальных купеческих слоев, которые оказывали своим народам материальную поддержку, не создавали, однако, всеславянского антифашистского движения. Это удалось главным образом в Уругвае и Бразилии, где славянские группы составляли главным образом крестьяне, рабочие и торговцы, которые разработали с организационной и политической стороны вопрос о славянском единстве. Также в Аргентине существовали все предпосылки для развития организованного и широкого движения, которое принимало бы обращения и задачи Всеславянского комитета в Москве. Заслуги в этом смысле снискали главным образом рабочие всех славянских национальностей, способные создать практическое единство славянских эмигрантов в Аргентине. Активное применение себе здесь нашли также чешские и словацкие эмигранты, рабочий журнал „Svornost“, которых поступил в распоряжение антифашистского славянского движения.

В Уругвае Славянские комитеты усиливали свою деятельность уже в течение 1939—1941 гг. и в следующем году они создали Координационный славянский комитет, названный позже Союз славянских трудящихся. В Уругвае (1943) состоялся первый славянский конгресс для всей Латин-

ской Америки при участии 450 делегатов. Созвать этот съезд попытался Комитет для объединения славян в Аргентине (август 1942 г.) на основе директив Всеславянского комитета в Москве (уже в марте 1942 г. состоялся в Буэнос-Айрес первый славянский фестиваль при участии 3500 лиц), но аргентинское правительство к состоянию съезда отнеслось отрицательно, когда против его организации протестовали как немецкий посланник, так также представитель лондонского эмигрантского правительства! Вопреки этому воспрещению некоторые секретные собрания состоялись. Аргентинское правительство затем стало постепенно оказывать давление на представителей славянских обществ, принуждая их выступить из Славянского комитета; в конце концов деятельность этой организации была запрещена и ее функционеры арестованы (май 1944 г.).

Также в Австралии, где во время войны жили приблизительно 50 000 славянских эмигрантов, обращения московского Всеславянского комитета встретили отклик, как об этом свидетельствуют письма славянских организаций (даже из Новой Зеландии), приходящие в Москву. Создать в Австралии общую славянскую организацию удалось вновь после войны, во время (сентябрь 1945 г.) созыва общей конференции в Сиднее. Организация „Australian Slavs Congress“ устанавливала связи с славянскими комитетами в Европе и стремилась развертывать культурную деятельность австралийских славян. В 1944 г. возник Славянский союз также в Иерусалиме. Он объединял небольшие группы, главным образом русских, далее болгар, поляков и чехов, раздробленных на территории Ближнего Востока.

* * *

Всеславянский комитет ставил себе конкретные цели: способствовать разгрому гитлеровской Германии. Представители Всеславянского комитета отказывались от бесплодных теорий, впадающих в старый национализм, которым отличались некоторые выступления, касающиеся „всеславянской конфедерации“. Вышеупомянутый уже Л. Желиговски издал (1943) в Лондоне (где он состоял членом эмигрантского польского, так называемого „Национального совета“ (книгу „Zaropniane prawdy“, в которой он развивал идею общего федеративного блока славянских народов с Россией; этот блок должен был насчитывать 300 миллионов жителей. Желиговски, хотя и требовал, чтобы поляки приняли славянскую политику и присоединились окончательно к Востоку, но одновременно его представление о „славянском блоке“ было нереальным, националистическим. Он приветствовал сотрудничество с СССР, но настаивал на старых польских границах в рамках будущего „славянского блока“. В состав последнего должны были входить независимые славянские народы, которые дали бы в своей федерации возможность участия даже малым неславянским народам.

Книга Л. Желиговского вызвала удивление и смущение прежде всего среди поляков, которые в Лондоне не прекращали дискуссии о предложениях федерализации центральной и восточной Европы.⁵¹ Правое большинство польской эмиграции высказало принципиальное несогласие с созданием „славянского блока“, так как у него была своя концепция „западнославянской унии“, о которой (в конце 1944 г.) писал известный фашист Адам Добошиньски в книге „Wielki naród II“. „Западнославянская уния“ включала бы под руководством поляков чехов, словаков, украинцев, белорусов и литовцев(!). Также демократические поляки не приняли идеи „славянского блока“, которая противоречила демократическому содержанию славянской солидарности, провозглашаемой Всеславянским комитетом в Москве. Желиговски затем развивал свою идею в более поздних выступлениях на почве так называемого Национального совета („31“ марта и в половине мая 1944 г.), когда он резко выступил против политики правительства Миколайчика-Сосновского и требовал изменения курса по отношению в СССР. Также Желиговски понимал теперь „славянский блок“ прежде всего как взаимное понимание и единство Польши с СССР и ЧСР на основе народной и демократической славянской политики. Желиговски, конечно, не понял уже классового содержания идеи славянской солидарности, направленной против гитлеровской Германии; его выступления отличались антинемецкой направленностью вообще.⁵²

Подобная идея, т. е. объединение славянских народов и СССР, появилась в Лондоне еще до выступления Желиговского, и именно в лагере чешской эмиграции. Против концепций чешской и польской буржуазии на тему чехословацко-польской конфедерации коммунист В. Носек допускал возможность „федерации славянских народов центральной Европы“; эта федерация стояла бы в тесной близости с СССР и отдельные славянские государства опирались бы на принципы „самой широкой демократии, социальной справедливости и равноправия“. Правый социальный демократ Р. Бехине выступал за „действительную славянскую конфедерацию“, в которой он мог бы „своей родиной считать помимо Праги не только Варшаву с Краковом, но также Киев и Москву с Владивостоком“. Позже Бехине написал в социал-демократический журнал „Nová svoboda“ (1942, вып. 9.) статью, в которой призывал чехов не удовлетворяться дружескими договорами с СССР, а искать к нему отношение, основанное на государственном праве, — чтобы, короче говоря, Чехословакия включилась в состав СССР.

В объективном смысле предложение Бехине оказало скорее провокационное воздействие. Ответил на него журнал „Mladé Československo“, который правильно обозначил предложение Бехине как неправильное, так как оно могло нарушить зарождающееся единство чехословацкого народа, открывающего борьбу за свою свободу и государственную самостоятельность.⁵³

От пропаганды чехословацко-польской конфедерации или же „западно-славянской федеративной унии“ и „славянского блока“ отказалась чехословацкая и польская демократическая эмиграция, которая руководилась, как мы уже сказали, идеей славянской солидарности, как ее понимал Всеславянский комитет в Москве. Целью стремлений чехословацкой и польской демократической эмиграции в Лондоне было возобновление независимости их государств и союз, созданный на основе равноправия и взаимной помощи.

* * *

Сотрудничество представителей или же членов отдельных славянских народов в Всеславянском комитете, в земляческих обществах и в партизанском движении — это была предпосылка создания дружеских и союзных отношений между славянскими народами. Советское правительство сейчас же в июле 1941 г. признало чехословацкое правительство в Лондоне и добилося этим признания последнего Англией и США. Одновременно СССР предложил чехословацкому правительству договор о взаимной помощи против гитлеровской Германии. На основе чехословацко-советского договора („18“ июля 1941 г.) советское правительство оказало финансовую и материальную помощь Чехословакии для создания военных частей в СССР (организованных в 1942 г. в Бузулуке).

Договор о взаимной помощи между ЧСР и СССР (1941) был завершён в конце 1943 г. договором о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве (Москва, декабрь 1943 г.). Чехословацко-советский договор обозначал важную победу в национально-освободительной борьбе, возглавляемой коммунистами: он гарантировал независимость ЧСР и давал основу ориентировки чехословацкой внешней политики на СССР. В духе нового договора усилилась поддержка Советского Союза при организации чехословацкого войска в СССР. На основе чехословацко-советского договора о дружбе и взаимной помощи Советский Союз поддерживал также организацию партизанского движения в Чехословакии, обучая его командиров, и сбрасывая оружие и другой материал еще до взрыва Словацкого национального восстания и позже. Советская Армия, освобождая Чехословакию, оказала нашему народу большую помощь как в области снабжения, так также транспорта. Советское правительство поставило первые тонны необходимого сырья для чехословацкой промышленности, обеспечивая таким образом ее ход.

Первое чехословацкое правительство национального фронта, составленное на совещании (март 1943 г.) представителей так называемого Государственного совета и московского руководства КПЧ в Москве и объявленное в апреле 1945 г. в Кошицах, подтвердило союз Чехословацкой республики

с СССР. Дружба эта представляла „братство, укрепленное борьбой против общего врага славян — фашистов Германии.“⁵⁴

Советский Союз угодил также польскому эмигрантскому правительству в Лондоне и предложил ему заключить подобный договор как чехословацкой буржуазной эмиграции, т. е. договор о взаимной поддержке в войне против гитлеровской Германии. На основе договора („30“ июля 1941 г.), который был подтвержден декларацией обоих правительств о польско-советской дружбе и взаимной помощи (4 декабря 1941 г.), стало сейчас же формироваться — под руководством лондонского правительства и с поддержкой Советского Союза — польское войско на территории Советского Союза. Предусматривалось вооружение многотысячной армии, которая пополнялась бы из рядов польского общества западной Украины. Однако польская армия создавалась правыми и антисоветскими офицерами, которые не думали об участии в борьбе против Германии бок о бок с Советской Армией.

Польское лондонское правительство, несмотря на заключение договора с Советским Союзом, и в дальнейшем отстаивало свою точку зрения, что „до сих пор“ не наступило подходящее время для открытия борьбы против оккупантов и, наоборот, призывало народ оккупированной Родины не принимать участия в коммунистических и левых организациях сопротивления. Одновременно польское эмигрантское правительство всячески заботилось о том, чтобы его войско (находящееся в СССР) не было поставлено против Гитлера на восточном фронте (за те польские части, которые истекали кровью под Тобруком, лондонское правительство не опасалось!). На основе переговоров английского правительства с советским правительством стало польское лондонское правительство эвакуировать военные части (корпус Андерса) из Советского Союза в Иран, чтобы укрепить английские позиции на Ближнем Востоке. Советское правительство, само собой разумеется, считало этот факт выступлением, направленным против Советского Союза, и объявило, что не считает целесообразным дальнейшее создание польской армии на своей территории. Так как представители польской дипломатии в Москве создавали обширную сеть шпионажа и распространяли клевету на СССР, вывело советское правительство из этих и других фактов единственно возможное заключение: оно прекратило (апрель 1943 г.) с польским лондонским эмигрантским правительством дипломатические отношения. Уже до этого польское эмигрантское правительство (вместе с гитлеровскими убийцами!) обвиняло советское правительство в катынских резнях. Западные союзники выступали на защиту польского лондонского правительства. „Польский вопрос“ нарушал тесную дружбу СССР с западными союзниками.

Однако не все польские солдаты в СССР согласились с отношением лондонского правительства. Некоторые из них принимали участие в работе

„Всеславянского комитета“ и хотели, в духе его лозунгов, бороться против Гитлера, бок о бок с Красной Армией. Они хотели присоединиться к борьбе своего народа, который дома, на оккупированной Родине, усилил свое сопротивление, направленное против гитлеровцев и стал развивать партизанскую войну. Не только коммунисты, но также другие польские патриоты, члены польской эмиграции в Советском Союзе, не согласились с политикой лондонского правительства. Патриотические поляки помогали Всеславянскому комитету распространять идею славянской солидарности и сами активно стремились создать новые польско-советские отношения, когда лондонская буржуазная эмиграция усиливала свой антисоветский курс. Советское правительство всесторонне поддерживало культурную и политическую деятельность Союза польских патриотов, в котором оно по праву видело орган представительства не только польской эмиграции в Советском Союзе, но также всего польского народа, борющегося дома против оккупантов. Поэтому советское правительство исполнило просьбу Союза польских патриотов об организации самостоятельной польской части в Советском Союзе, обучение которой проходило бы в первой половине 1943 г.

Когда в оккупированной Польше установился (перелом 1943—1944 гг.) Польский национальный совет (Krajowa rada narodowa) как центральный орган национально-освободительной борьбы польского народа, советское правительство пригласило его делегацию в Москву и обсудило другие формы помощи польскому народу. Когда Польский национальный совет, по инициативе Польской рабочей партии, создал 21 июля 1944 г. на территории освобожденной Польши временный исполнительный орган революционной власти рабочих и крестьян, т. е. Польский комитет национального освобождения (Люблянь), советское правительство признало его в качестве временного польского правительства и постепенно на собраниях так называемого Тройственного союза (СССР—Англия—США) проводило его требования обратного присоединения давних западных польских областей, тянувшихся вплоть до рек Одра—Ниса. Польше угодило советское правительство также при решении многих вопросов о строительстве освобожденной страны. Союз Польши и СССР завершился договором о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, заключенным 21 апреля 1945 г. в Москве.⁵⁵

Важной оказалась помощь Советского Союза также борющемуся югославскому народу, хотя и не достигла той степени и тех форм как в случае Чехословакии и Польши. Югославская политическая эмиграция в СССР была немногочисленной, так что вооружение югославских добровольцев в Советском Союзе не могло получить военного значения как в случае десятков тысяч польских солдат. Отношения с югославской национально-освободительной армией и с Антифашистским советом национального комитета Югославии⁵⁶ мог Советский Союз установить только в 1944 г. Совет-

ское правительство провело, однако, уже в Тегеране (конференция Тройственного союза в конце 1943 г.) требование, чтобы союзники оказали помощь югославским партизанам; таким образом союзники признали АВНОЮ de facto. Сейчас же в 1943 г. английская военная миссия установила отношения с руководством югославской национально-освободительной армии и в феврале 1944 г. приехала в освобожденную территорию Югославии советская военная миссия, чтобы обсудить здесь поставки вооружения и снаряжения и помощи (авиации). Когда в сентябре 1944 г. войска 3 Украинского фронта вступили на югославскую территорию, члены Советской Армии получили инструкции следующего характера: они идут помогать борющемуся югославскому народу, „родственному по духу и крови“.⁵⁷

В взаимном сотрудничестве Красная армия (которая перешагнула румынско-югославскую границу в начале сентября 1944 г.) и югославская национально-освободительная армия освободили „20“ октября 1944 г. Белград. Советское правительство помогало Югославии на международном форуме при переговорах с западными союзниками как в вопросе о создании югославского правительства и определения южной границы, так также при строительстве освобожденной Югославии — и именно в духе договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, подписанного „11“ апреля 1945 г. в Москве.

У нас нет возможности описывать здесь советско-югославские отношения в полном объеме. Надо, однако, напомнить, что между советскими и югославскими представителями, уже во время войны появлялись некоторые недоразумения. Сжато можно пока сказать, что советские деятели напоминали югославским коммунистам не спешить с „революцией“ и „не испугать“ англичан или же западных союзников в антигитлеровской коалиции. Добавим еще, что Коминтерн рекомендовал всем коммунистическим партиям подавляемых наций в Европе разворачивать прежде всего национально-освободительную борьбу. Димитров тогда на протяжении 1943—1944 советовал полякам (т. е. польской рабочей партии) не пользоваться в своей пропаганде и лозунгом „народной Польши“!

Что касается Болгарии, помощь Советского Союза могла проявиться в официальных отношениях главным образом с сентября 1944 г. До того времени советское правительство давало возможность деятельности болгарской политической эмиграции и поддерживало ее усилия добиться организации и развития партизанского антиокупантского движения в Болгарии. Большую моральную и материальную помощь оказал болгарскому народу Советский Союз продвижением Красной Армии через румынско-болгарскую границу (начало сентября 1944 г.). Таким образом созревшая обстановка вызвала взрыв общенационального восстания, которое свергло

(ночью 8—9 сентября) фашистскую власть и установило правительство Патриотического фронта. Советское правительство дало болгарскому народу возможность принять участие в окончательной фазе войны против гитлеровских орд: болгарское войско боролось бок о бок с 3 Украинским фронтом Красной Армии в Югославии, Венгрии и Австрии.⁵⁸

Моральная и материальная помощь Советского Союза политическим эмиграциям и его конкретные формы военной, политической и экономической помощи борющимся славянским народам давали возможность устанавливать и осуществлять дружеские отношения среди нерусских славянских народов. Мы описали уже деятельность славянских эмиграций на почве Всеславянского комитета в Москве, где устанавливалась дружба между чехами и поляками и между южными славянами и болгарам.

Польские коммунисты, которые подготавливали основание новой своей партии, Польской рабочей партии (*Polska partja robotnicza*), в своей эмиграции в Советском Союзе, знакомили свой народ с необходимостью общей борьбы всех славянских народов. „Польский народ не стоит один в своей борьбе за свободу. В общем фронте с нами борются за свое освобождение все славянские народы. Не хотят быть и никогда не будут рабами Гитлера ни чехи и словаки, ни сербы, хорваты, ни болгары ни мы — поляки. Одновременно с великим русским народом мы все вступаем в святую войну за освобождение славян от гитлеровского ига.“⁵⁹ Коммунисты и патриоты в Советском Союзе и дома, на оккупированной родине, пропагандировали не только дружбу с великим русским народом, но и дружбу польского народа с народом Чехословакии. Редакция журнала „*Nowe Widnokreği*“ в качестве органа Союза польских патриотов выразила это новое отношение польского народа к народам Чехословакии следующими словами: „Ничто не разделяет нас, все соединяет нас: общий враг, общие друзья и союзники, общее страдание, общая борьба и, несомненно, общее освобождение в момент разгрома врага. Судьбы обоих народов (чешского и польского — Й. К.) неразрывно соединены с победой лагеря борющейся демократии над фашизмом. Свобода и независимость Чехии (т. е. Чехословакии — Й. К.) — это важнейшее условие свободы Польши — и наоборот.“

В то время как в Лондоне поляки не скрывали своих намерений играть в случае подготавливаемой чехословацко-польской конфедерации главную роль, которой должны были чехи и словаки подчиниться, демократические поляки в Москве устанавливали дружбу с чехами и словаками на основе равенства. „Вопросу теснейшего польско-чехословацкого сближения мы хотим служить не с точки зрения дипломатических отношений, а с точки зрения прочных и для обоих народов одинаковых интересов“ — такую цель выдвигал журнал „*Nowe Widnokreği*“.⁶⁰

Само собой разумеется, также чехи и словаки в Москве стремились уста-

нонить и укрепить дружбу с поляками. З. Фирлингер уже в 1942 г. писал в журнале „Nowe Widnokregi“ о славянофильстве чехов, Власта Борек опубликовал статью об общих интересах чехов и поляков в журнале „Wolna Polska“ по случаю 1 мая 1944 г. и вновь З. Фирлингер в интервью для вышеупомянутого польского журнала выразил мнение чехов и словаков о создании Польского комитета национального освобождения и о развитии дальнейших чехословацко-польских отношений: „Можно сказать, что одинаковая судьба соединила навсегда наши страны и показывает нам общую политику.“⁶¹ Московский журнал „Československé listy“ несколько раз обращал внимание на развитие Польши, выражал свои симпатии к Польскому национальному совету и, позже, Польскому комитету национального освобождения. В статье „Jeszcze Polska nie zginęła“ описал З. Неедлы свои впечатления из смотра польского войска и из сообщения о его успешном включении в фронт следующими словами: „Народ чешский всегда был братом народа польского, подобно тому, как народ польский был братом народа чешского...“⁶² Во время обострения антисоветской кампании реакционной польской эмиграции в Лондоне обратился З. Неедлы к польскому народу в статье „Hlas Čecha k Polákům“. „С кем идти?“ — задают себе поляки вопрос. Нельзя идти другим путем, чем тот, который показывает опыт истории: Поляки и чехи должны быть единокорны и оба их народа должны опираться на великую Россию, на Советский Союз. „В общем фронте мы построим свое будущее, сознавая кто наш друг и кто наш враг. Объединены взаимно горячей дружбой, которая может быть только благословением — для чехов и для поляков.“⁶³ И опять это был З. Неедлы, кто говоря от имени чехословацкой эмиграции в Советском Союзе и от имени всех чехов и словаков, с радостью встречал манифест Польского комитета национального освобождения (22 июля 1944 г.). „Совсем своеобразное значение имеет манифест даже для нас чехов и словаков, так как он дает новые основы братства наших народов“ — писал З. Неедлы. Вопрос „С кем идти?“ был, следовательно у поляков решен. „Не конфедерация чехословацко-польская, а тройственный союз СССР—Польша—ЧССР — это будет, несомненно, одно из первых достижений новой польской политики: братский союз всех трех наших государств и для борьбы против Гитлера и для будущего послевоенного их сотрудничества.“⁶⁴ Также другие многочисленные статьи, знакомящие чехословацкое общество в Советском Союзе с строительством освобожденной Польши, проникнуты восхищением и согласием с политикой временного польского правительства.

С другой точки зрения рассматривало Польский комитет национального освобождения лондонское чешское эмигрантское правительство, которое медлило с признанием Польского комитета национального освобождения в качестве правительства. Пусть, де, люблянские поляки прежде всего

объявят, что Тешинская область наша -- требовали Бенеш, Рипка, Масарик и другие, которые, однако, такие требования в период 1940—1942 гг. реакционным полякам в Лондоне не предъявляли.⁶⁵ Только „30“ января 1945 г. чешское лондонское правительство признало Польский национальный комитет; приветственное письмо чехословацкого посланника в Москве — З. Фирлингера — полякам, было летом 1944 г. написано по его собственной инициативе. Признание Польского комитета национального освобождения было дальнейшей победой московского руководства КПЧ в борьбе за народно-демократическую Чехословакию и за ее ориентировку на Советский Союз и на славянские государства.

Официальный орган временного правительства „Rzecz Pospolita“ оценил новые чехословацко-польские отношения после января 1945 г. следующими словами: „Чехословакия, которая была захвачена на год раньше, чем Польша, раньше, чем Польша, вступила на путь реалистической политики и, отрицая лондонский проект санитарного кордона, искала сотрудничество с Советским Союзом и нашла его... Оба государства, — Польша и Чехословакия — опираясь на союз и дружбу с Советским Союзом, могут обеспечить себя и славянские народы от возможности нового немецкого нападения и могут, таким образом, стать важным фактором в коллективной безопасности Европы.“⁶⁶

Дружба народов Чехословакии и Польши, — укрепленная во время Второй мировой войны общей борьбой польских и чехословацких военных частей бок о бок с Красной Армией, поддержкой чехословацких частей, предоставленной польским народом в течение известной дукельской операции (1944) и освободительным продвижением польских частей в северной Чехии (май 1944 г.), участием чехов и словаков в партизанском движении в Польше и, наоборот, участием поляков в партизанском движении в Словакии, — была важным результатом усилия чешских, словацких и польских коммунистов и демократических патриотов, была дальнейшим проявлением жизнеспособности и целесообразности идеи славянской солидарности.

Отклик борьбы югославского народа против немецко-итальянской агрессии (апрель 1941 г.) в Чехословакии, в Польше и, главным образом, в Советском Союзе, восхищенное согласие с лозунгами Всеславянского комитета сербов, хорватов и словенцев и, наконец, мужественная партизанская война югославов (с июля 1941 г.) — все это служило гарантией укрепления во время Второй мировой войны дружеских отношений восточных и западных славян к южным славянам. И вновь, как в случае чехословацко-польских отношений, создавались чехословацко-югославские или же польско-югославские отношения в двух линиях. Буржуазная эмиграция на Западе, подчиняясь интересам британских империалистов при осуще-

ствлении проектов различных конфедераций в области центральной и юго-восточной Европы, не была заинтересована в демократической славянской политике. Осуществить последнюю стремилась политическая эмиграция славянских народов в Москве уже с 1941 г. на почве Всеславянского комитета и при других взаимных отношениях, как об этом свидетельствуют многочисленные статьи чехословацкой и польской печати, авторы которых проявляли симпатии к революционному югославскому народу. Был поэтому понятным тот факт, что новые демократические временные правительства славянских народов стали вскоре осуществлять идею славянской солидарности на практике.

Что касается Чехословакии, славянская концепция ее внешней политики по отношению к Югославии нашла свое применение только с апреля 1945 года, когда было в Кошицах объявлено первое чехословацкое правительство национального фронта чехов и словаков. Освобожденные чехи и словаки в своем отношении к народной Югославии продолжали традиции дружбы народа Чехословакии к южным славянам, укрепляемой участием многих чехов и словаков в югославских партизанских отрядах и югославов в Словацком национальном восстании. Благоприятные условия для окончательного разрешения болгарско-югославских отношений зародились в сентябре 1944 года, когда осуществилось сотрудничество болгарских войск (продвигающихся по плану-3 Украинского фронта Красной Армии в Югославию) с югославскими партизанами.

ЗАМЕЧАНИЯ

- ¹ A. Rosenberg, *Mythus des XX. Jahrhunderts*; H. Rauschnig, *Gespräche mit Hitler* (Zürich 1940), 127—130.
- ² Ф. И. Нотович, *Немецко-фашистский Дранг нах Осген после Мюнхена* (Труды по новой и новейшей истории, I, 1948, стр. 237).
- ³ V. Křál, *Pravda o okupaci* (Praha 1962), 152; *Die Vergangenheit warnt* (Prag 1960).
- ⁴ Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribune, XXXVII, 351.
- ⁵ Подробно о планах Гитлера против поляков говорит Cz. Madajczyk, *Generalna Gubernia w planach Hitlerowskich*, Warszawa 1961.
- ⁶ Saobštjenje o zločinima Austrije i Austrijanaca, Beograd 1947, 110.
- ⁷ Нотович (см. зам. 2), 253.
- ⁸ K. M. Pospieszalski, *Hitlerowska polemika z Generalplan Ost, Przegląd Zachodni* 1958/1, 346—369.
- ⁹ Madajczyk, *Generalna Gubernia*, 96.
- ¹⁰ Madajczyk, *Generalna Gubernia*, 26.
- ¹¹ C. A. Mort, *Na pomoc československému lidu*, 48—50.
- ¹² Б. Йоцов, *България и Славянството*, *Славянский Глас* 1937—1940.
- ¹³ *Za svobodu českého a slovenského národa*, 152—154.
- ¹⁴ B. Laštovička, *V Londýně za války*, 22; F. Janáček, *Dva smery*; J. Hrozičnik, *K otázce slovanskej myšlienky*, *Historický časopis* 1960/2—3, 445—446.

- ¹⁵ Из иллегальных листовок КПЧ (1939—1940) и из вышеприведенной резолюции (апрель 1941 г.) очевидно, что коммунисты все время верили в возможность революционных действий в Германии и в Австрии. К хорошей традиции пролетарского интернационализма КПЧ относится тот факт, что она призывала на борьбу „бок о бок с подавляемым рабочим классом Германии, Австрии, Франции и всего Советского Союза“ (конец 1939 г.) или же „бок о бок с народами Польши и Австрии в неразлучном союзе с немецким рабочим классом Карла Либкнехта“ (март 1941 г.). Более позднее развитие, однако, показало, что во время Второй мировой войны нельзя было полагаться на революционные действия немецких рабочих. — В вопросах стратегии и тактики КПЧ в первый период оккупации см. книгу F. Janáček, *Dva smery v národnoslobovodnom hnutí*, Bratislava 1962.
- ¹⁶ Čechoslovák (Londýn) 24. 1. 1941.
- ¹⁷ Kolejka, *Čs.-polské vztahy, Slezský sborník* 1960/4.
- ¹⁸ F. Čulinović, *Jugoslavija imedju dva rata*, II.
- ¹⁹ *Dějiny Bulharska* (Praha 1956), 270.
- ²⁰ *Z Pola Walki* (Warszawa) 1961/4, 28.
- ²¹ См. замечание 38 в заключении.
- ²² И. Л е н о в, *Борьба югославского народа за независимость и свободу своей родины*, Москва 1944, стр. 36—37.
- ²³ Обращения Славянского комитета напечатаны в вышеприведенной книге Č. Amort, *Na pomoc československému lidu*, стр. 235—238.
- ²⁴ *Славяне* 1943, № 1.
- ²⁵ *Славяне* 1943, 2, 34—38. — Мы приводим здесь пока обзор постановлений Всеславянского комитета. На отклик его прокламаций у отдельных славянских народов мы ссылаемся на других страницах.
- ²⁶ Amort, *Na pomoc čs. lidu*, 298, 317.
- ²⁷ Выступления делегатов на этой манифестации были изданы брошюрой. Польский текст несет название „naprzód, ke zwycięstwu!“ В заголовках военной печати Общеславянского комитета можно читать лозунги „Братство славян — плотный барьер против захватчиков!“ и т. д.
- ²⁸ V. Kopecký, *KSČ a ČSR*, Praha 1961.
- ²⁹ Gottwald, *Spisy IX*, 52.
- ³⁰ V. Kopecký, *Nová etapa protihitlerovského boje národů Československa, Komunističeskij Internacional* 1941/8.
- ³¹ Gottwald, *Spisy IX*, 287.
- ³² *Československé listy* 10. 8. 1943/1, стр. 3.
- ³³ *Československé listy* (Moskva) 15. 9. 1943/3, 3, 4.
- ³⁴ Amort, *Na pomoc*, 221, 234.
- ³⁵ *Za svobodu českého a slovenského národa*, 201—202.
- ³⁶ Об этом имеется свидетельство корреспондентов Бенеша из оккупированной родины.
- ³⁷ *Говори радиостанцията Христо Ботев*, I, София, стр. 1154.
- ³⁸ *Kształtowanie się podstaw programowych PPR 1942—1945*, 12.
- ³⁹ R. Pawłowicz, *Z dziejów konspiracyjnej KRN*.
- ⁴⁰ В. К л о к о в, *Борьба славянских народов против поработителей*, Киев 1960.
- ⁴¹ *Mladé Československo* 15. 1. 1942/2, 3.
- ⁴² *Mladé Československo* 12. 2. 1942/3, 3 („Konfederace s polskou vládou anebo bezpečnost národů?“).
- ⁴³ *Západoslovanská federální unie a Svaz středoevropských států*. (Upravil Vl. Jezerník.) London 1942.

- ⁴⁴ „I-szy Kongres Polaków w W. Brytanji“, London 1942.
- ⁴⁵ Mladé Československo 1. 6. 1942 („Zástupci slovanských národů v Londýně si podali ruce ke společnému boji“); Nové Československo 4. 4. 1943/14 („Poláci o politice polské vlády“).
- ⁴⁶ A. d. Pragier, Celé wojenne Polski, Glasgow 1944. Прагер выступил от имени лондонского польского правительства и буржуазной эмиграции, которая и в дальнейшем на протяжении 1943—1945 гг. отказывалась от „московского панславизма“, т. е. от деятельности московского Всеславянского комитета.
- ⁴⁷ Nové Československo 3. 3. 1945/9. („Bilance slovanské vzájemnosti v Anglii.“)
- ⁴⁸ Уже на переломе 19 и 20 вв. и потом в особенности во время первой мировой войны земляческие славянские общества в Америке создавали некоторые общие органы.
- ⁴⁹ Славяне 1942, 4, 42. — G. Pirinsky, Slavic Americans in the Fight for Victory, N. Y. 1946.
- ⁵⁰ Славяне 1942, 2, 61. — Также в других местах за океаном славянские общества требовали у западных правительств открытия войны на западном фронте. — О жизни славянских обществ в Америке и в других местах см. сообщения в журнале Nové Československo 8. 5. 1943 и в других выпусках. Сжатые обзоры деятельности славянских обществ во время войны опубликовал позже журнал Slovanský přehled (1946, стр. 515; 1947, стр. 97). — А. М. Шлепяков, Солідарність Слов'ян Америки, УІЖ, 1963, 4, 50—56.
- ⁵¹ Журнал Nové Československo (7. 11. 1943, 44) оценивал книгу Желиговского как „смесь старых панславистских идей с польским национальным акцентом“. — Желиговски выступил уже в 1940 г. в польском, так называемом Национальном Совете с предложением на сотрудничество славянских народов, направленное против Германии — и против России!
- ⁵² Nové Československo 20. 11. 1943; 22. 4. 1944; 20. 5. 1944.
- ⁵³ Журнал Mladé Československo (1. 1. 1942, 1; 17. 10. 1942, 24) — Также в Словакии социал-демократы в подполье представляли себе, что после войны в славянской федерации будет установлена „твердая демократическая диктатура“. (Laštovička, V Londýně za války, 252—253.)
- ⁵⁴ А т о г т, На р о т о с, 496.
- ⁵⁵ О польской литературе к периоду 1939—1945 гг. см. мои статьи в журналах Historický časopis 1960 и Slezský sborník 1962.
- ⁵⁶ Антифашистский совет национального освобождения Югославии (AVNOJ), установленный в ноябре 1942 г. в качестве общенародного политического органа, избрал на своем втором заседании (ноябрь 1943 г.) „Национальный комитет освобождения Югославии“ во главе с Иосипом Броз-Тито. Национальный комитет освобождения выполнял функцию правительства Югославии, которая должна была стать демократической федерацией равноправных народов. Йоцо Марьянович, Освободительная война и народная революция в Югославии, Москва 1956; Cz. Bobrowski, Socjalistyczna Jugoslawja, Warszawa 1957.
- ⁵⁷ Н. И. Бондар, Советско-югославское боевое сотрудничество (сборник Общественно-политические связи..., стр. 296).
- ⁵⁸ Dějiny Bulharska, str. 210.
- ⁵⁹ Kształtowanie się podstaw programowych PPR, 52.
- ⁶⁰ Nowe Widnokreği (Moskva) 20. 7. 1942. (Z. Fierlinger, Czesi i inne narody słowiańskie.)
- ⁶¹ Nowa Polska 31. 12. 1944, 2.
- ⁶² Československé listy 30. 11. 1943, 6.
- ⁶³ Československé listy 12. 1. 1944, 3.
- ⁶⁴ Československé listy 15. 8. 1944 („Náš pozdrav demokratickému Polsku“).
- ⁶⁵ Подробно об этом пишет Laštovička, V Londýně za války.
- ⁶⁶ Rzecz Pospolita 1. 2. 1945, 2.